

Стр. 4

Стр. 13

Но, к сожалению, Андрей Соловьевский и другие в 1986 оказались за границей. Второй человек, покинувший республику — Ю. Мухоморов, который не улетел в США, а выехал в Вену, а затем в Париж. Третьим улетел в Париж Александр Рогов, а четвертым — Владимир Мухоморов. Так покинули страну три человека — Ю. Мухоморов, А. Рогов и В. Мухоморов. Соловьевский и другие (вплоть до Гаврилова) остались в республике. Но в Париже раздался звонок. Из Парижа раздался звонок, сообщивший, что Соловьевский и другие (вплоть до Гаврилова) остались в республике. Но в Париже раздался звонок. Из Парижа раздался звонок, сообщивший, что Соловьевский и другие (вплоть до Гаврилова) остались в республике.

Организация маршрутов выходного дня (возможна работа с группой из 2-3 чел.):

Усолье-Сибирское

Савватеевка

Иркутск

- Обзорная экскурсия по Иркутску;
- «Иркутск исторический»;
- «Иркутск православный»;
- «Декабристы в Иркутске»;
- «Старинное село Савватеевка»;
- «Старинный город Усолье-Сибирское».

Подробности по тел.:
8(901)666 89 28,
8(924)716 92 38.

Содержание

Отец Николай ЛЫСКОВ:
«Семя проросло и дало всход!»

4

Сергей ЧЕРНИКОВ:

**«15 лет мы неустанно работали
во благо клиентов!»**

8

Спортивная летопись

АО «АНХК»

10

Взывая к памяти...

13

**Стихотворение написать –
настоящий труд!**

18

Рассказ Г.Я. Бабичева «Вдовы»

19

Наши партнеры:

ООП АО «АНХК»; ЦБС г. Ангарска; Общество милосердия и здоровья нефтехимиков; Музей трудовой славы АНХК; администрация Савватеевского МО; Музей часов, выставочный зал и Музей минералов г. Ангарска; Дворец культуры «Нефтехимик»; Спортивно-технический клуб г. Ангарска; фонд «Город без наркотиков»; МАУЗ «БСМП», страховая компания «Колымская»; Региональный инженерно-консультационный центр «Кран-Парк»; Центр экспертизы условий труда; социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних; лицей №2; школы №№ 14, 31, 32, 35, 38; школа искусств № 4; детская художественная школа №1; школы раннего развития «Колобок» и «Школа дошкольников»; Музей народного образования, Дом детского творчества, МБОУ СОШ №№ 2, 17, (г. Усолье-Сибирское); Министерство культуры и архивов Иркутской области, ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского, ООО «СибАрт», НП «ФранСиб», ОО «Сообщество мастеров» (г. Иркутск); частные лица.

Над выпуском работали:

А. НАРЧУК (издательское сопровождение, менеджмент, публицистика), В. ГРИГОРЬЕВ (фото, менеджмент, публицистика), Н. ПАРФИАНОВИЧ (дизайн, верстка), А. СЕРЕДКИН (публицистика)

Поэзия Л. Волинец 21

Лия Болдырева:

«... открытые окна класса...» 22

О культуре любви 26

Рассказ А.М. Вставского

«Детство моё. Безотцовщина» 29

Усолье в начале XX века 33

Воспоминания музы 37

Имя Черского на карте 38

«Знакомство с молодёжью

приносит новый интерес...» 42

О поэтическом фестивале

«Король поэтов-2016»

44

«В тот вечер

время в саду Ириды остановилось...» 46

Отец Николай ЛЫСКОВ: «Семя, которое мы посеяли летом 1997 года, проросло и дало всход!»

• Спасская церковь и базар

...Первые упоминания об усольской Спасской церкви относятся к 1840 году, где о ней говорится как о деревянной пятипрестольной, построенной в 1795-м году и принадлежащей солеваренному заводу. 28 июня 1840 года эта церковь сгорела. В 1863-м году на казённую от солеваренного завода сумму начали строить деревянную церковь. Освящена она была 5 мая 1868 года архиепископом Иркутским Преосвященным Парфентием. Это было одноэтажное здание, с отдельной колокольней в виде ворот. Престол был освящён во имя Нерукотворного Образа Христа Спасителя.

В это же время продолжался сбор средств на строительство каменного здания церкви. К 1877 году для ведения работ был создан особый комитет под председательством управляющего сользаводом. Строительство храма началось в 1878-м году, освящение каменного одноэтажного здания с престолом во имя Спаса Нерукотворного состоялось 14 октября 1879 года. Приход церкви в это время насчитывал 611 дворов с населением в 3069 человек.

В 1891-м году у церкви была возведена каменная колокольня. На следующий год церковь была обнесена каменной оградой с железными решетками и воротами. В 1893-м году каменным коридором соединили церковь и колокольню, и храм приобрёл законченный архитектурный облик. 1 мая 1896 года при огром-

ном стечении прихожан около церкви были проведены молебны и освящение большого колокола весом в 204 пуда. Интересным для Усольской церкви представлялось наличие в её собственности 18 лавок на базарной

площади, которая примыкала непосредственно к её ограде. Кроме этого, церковь владела 121 десятиной земли и 20 десятинами леса.

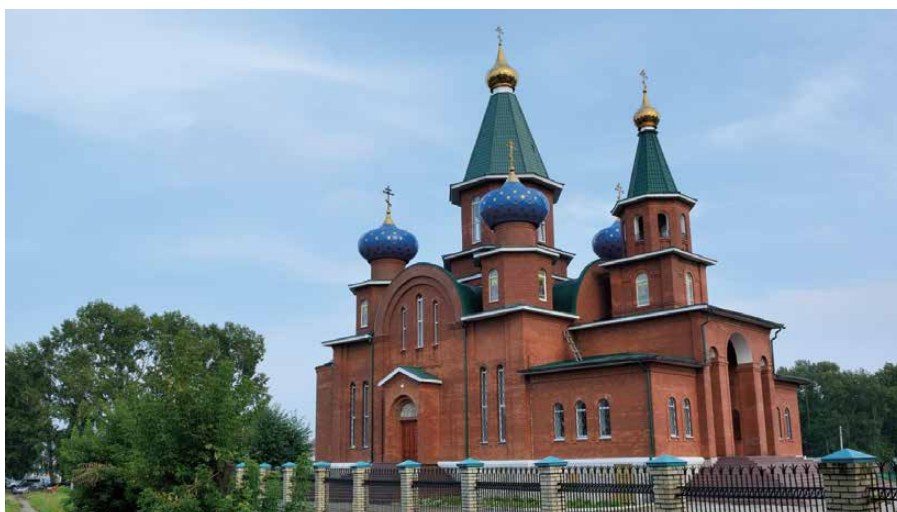
Шли годы... 1 июля 1935 года комиссия районного совета осматривала церковь и признала её состояние неудовлетворительным. Церковную общину обязали начать ремонт храма не позднее 10 июля 1935 года, однако община за неимением средств не смогла произвести ремонт, и это послужило поводом к закрытию церкви. Отряд воинствующих безбожников отбойными молотками пытался разрушить церковь, но не смог, пришлось применить динамит. Долгие годы развалины церкви «украшали» город...

• Снос храма

Хроника событий спустя 56 лет

- В 1991-м году в Усолье появилась инициативная группа из верующих, которая приступила к созданию церковной общины будущего Спасо-Преображенского прихода. Её члены получили благословение у епископа Иркутского и Ангарского Вадима.
- В 1992-м году в отремонтированной просфорне некогда разрушенного храма начались первые богослужения.
- В сентябре 1995 года постановлением мэра города Леонида БЕЛОБОРОВОДА Спасо-Преображенскому приходу был выделен земельный участок по улице им. Карла Маркса площадью 0.92 га.
- В феврале 1996 года было установлено ограждение территории прихода.
- 19 августа 1997 года (православный праздник Преображения Господня) в основание Спасо-Преображенского храма был заложен первый камень. В этот день епископ Иркутский и Ангарский Вадим совершил молебен на начало строительства и освятил площадку под строительство нового храма.
- 30 апреля 1998 года была забита первая строительная свая.
- 15 февраля 2000 года 19 предприятий города и района учредили Фонд восстановления Спасо-Преображенского храма. Инициаторами создания фонда были мэр города Евгений КУСТОС и отец Николай ЛЫСКОВ.

- 18 мая 2001 года была начата кирпичная кладка стен храма. Первый этаж возвели в 2002-м году.
- Летом 2004 года верхнее перекрытие колокольни достигло 18-ти метровой отметки. В ноябре была закончена кирпичная кладка фасада храма, на 19 метров поднялась колокольня.
- 16 января 2005 года в 11 часов 45 минут над Усольем раздался звон семи колоколов, установленных на звоннице строящейся церкви.
- В январе 2006 года над звонницей храма был установлен ажурный бронзовый крест с позолотой. В апреле над воротами храма возвели малый купол с золотым крестом, также занял своё место пирамидальный купол над звонницей.
- 4 июня 2009 года был поднят и водружён восьмитонный шатёр храма высотой около восьми метров. Высота храма составила 44 метра.
- 12 октября 2011 года все колокольни церкви увенчались куполами.
- В 2014-м году было начато изготовление деревянного иконостаса. В этот же год изготовили металлические ворота парадного входа в храм.
- В 2015-м году были приобретены позолоченный жертвенник и алтарный престол. В июле того же года было завершено написание алтарной иконы с изображением Иисуса Христа. На сегодняшний день эта икона является одной из самых больших в Иркутской епархии.
- 2016 год. Расписан свод купола. 13 августа двери воссозданного православного храма открылись.

В день открытия дверей воссозданного храма отец Николай Лысков обратился к усольчанам и гостям города:

– Низкий поклон и огромная благодарность – всем усольчанам!

13 августа свершилось историческое событие, которого мы ждали 19 лет. Открылись двери воссозданного православного храма, некогда взорванного и разрушенного боготоржками. Исполнилось задушевное желание жителей нашего города – торжественно освятить сей благолепный храм Божий. Возрадуемся и возвеселимся в сей день наш!

Велико и священно значение храмов Божьих в жизни христианского мира. Не менее высоко и священно оно в жизни нашего города и всех живущих в нем. Ибо все принимали в этом богоспасительном деле участие. Думаю, что нет такого усольчанина, который хоть однажды не зашел в храм и не поставил свечу. Промыслительно, что именно в праздник Преображения Господня в 1997-м году был заложен первый камень в основание храма. И город наш, небольшой, но красивый, еще более преобразился, получив на попечение такую удивительную, вели-

чественную храмовую красоту. Смело можно назвать сей Дом Божий визитной карточкой Усолья и гордиться им, ибо всем миром построен Спасо-Преображенский храм.

С первого дня служения в городе, куда был назначен настоятелем, я просил у Бога только об одном – чтобы Господь дал мне силы завершить начатое грандиозное строительство и отслужить первую литургию. 13 августа такой день наступил – отслужена первая литургия, и наш новый храм открыл свои двери для всех православных.

Хочу низко поклониться нашему правящему архиерею, митрополиту Иркутскому и Ангарскому Вадиму за его промыслительное назначение меня в 1994-м году настоятелем Спасо-Преображенского прихода, за его благословение на строительство храма и духовное окормление жителей Усольского района, где ныне также красуются православные церкви, наши святыни.

В воссоздании православной церкви принимали участие все жители города, одни вкладывали денежные средства, другие приходили и трудились сами, третьи молились, чтобы Господь помог в решении проблем, которые возникали по-

стоянно. Семья, которое мы посадили летом 1997 года, проросло и дало всход. Низкий поклон вам, усольчане, и огромная благодарность. Здоровья, спасения всем вам, добрые люди, потрудившиеся на ниве Христовой. Возрадуемся и возвеселимся в день оный!

Найдено истинное призвание в жизни

(интервью с протоиереем Спасо-Преображенского храма Николаем Лыковым, г. Усолье-Сибирское)

- Отец Николай, с чего началась Ваша православная жизнь?

- С семьи. После окончания усольской школы №17 я поступил на музыкальный факультет Иркутского педагогического института. После армии продолжил учёбу, и вскоре состоялась моя встреча с будущей женой. В 1990-м году родилась студенческая семья, в том же году появилась на свет старшая дочь. Не прерывая учёбы, я работал в центре эстетического воспитания иркутской школы №14 и в детском саду поселка Мамоны, после окончания вуза подрабатывал ещё и художником-оформителем.

Однажды я увидел у тёщи книги православной тематики и попросил их почитать. Помню, тогда меня поразила история женского монаше-

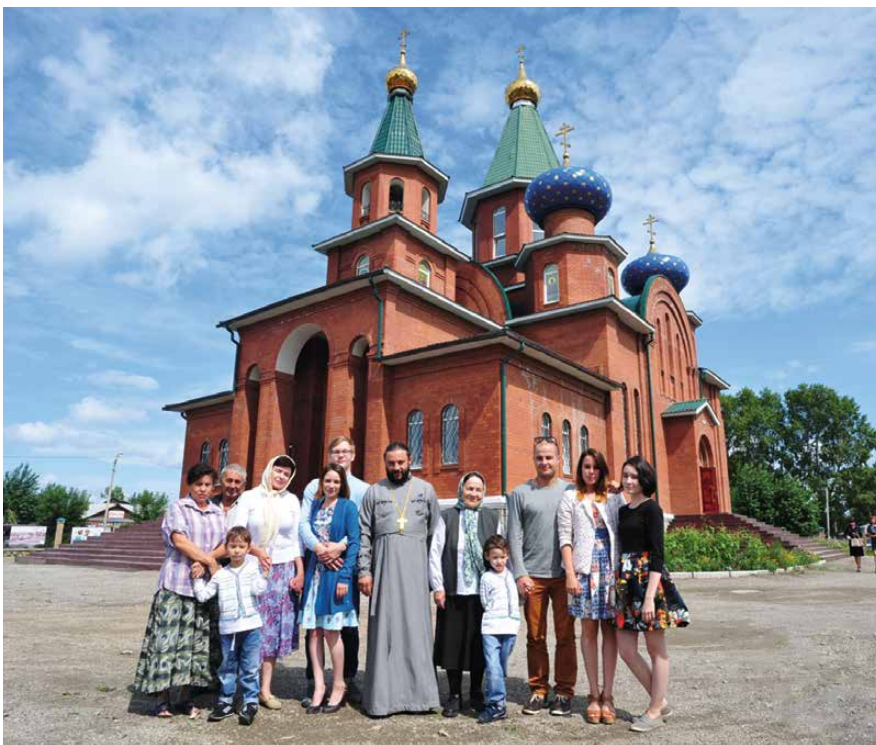
ства на Руси. Позже я стал посещать Знаменскую церковь, где и познакомился с митрополитом Вадимом. Вскоре понял, что моё призвание – в служении православной церкви. 19 декабря 1994 года, в день святителя Николая Чудотворца, я был рукоположен в священники, после чего получил Евангелие, крест и указ митрополита о назначении настоятелем Спасо-Преображенского храма в Усолье. На вопрос о том, где же я буду служить, ведь храма в Усолье не было, я услышал судьбоносное: «Построй!».

- И ведь построили! При этом у Вас большая и дружная семья, Вы активно занимаетесь общественной деятельностью и решаете проблемы православных общин в районе, совершаете паломниче-

ства по святым местам, пишете книги... Как же всё удаётся?

- Ответ прост: найдено истинное призвание в жизни! Чего я искренне желаю каждому. Открытие нового храма – чудо, которое произошло. Сейчас я понимаю: это был Божий промысел – направить меня сюда. Я люблю свой город и просто был обязан оставить в нём добрую память о тысячах людей, которые не остались равнодушными к строительству храма. Это наша общая добрая память потомкам, настоящее искупление грехов разрушителей святыни!

■ А. НАРЧУК,
фото В. ГРИГОРЬЕВА
и из архива храма

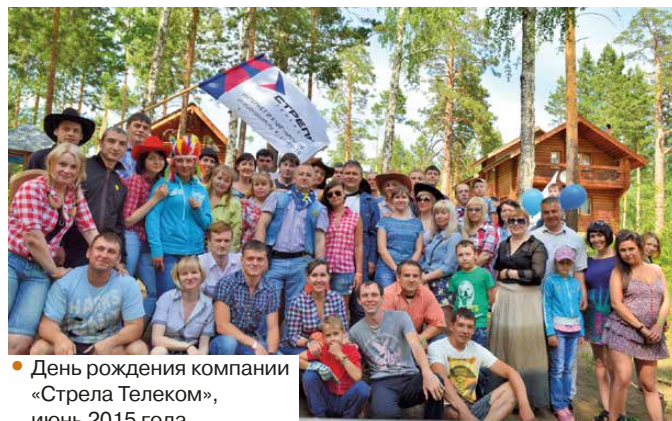

Сергей ЧЕРНИКОВ: «Эти 15 лет мы неустанно работали во благо клиентов!»

Многие ангарчане – преданные абоненты компании «Стрела Телеком» (ООО «Телесистема «Астра»). На сегодняшний день оператор предоставляет услуги Интернет и кабельного телевидения, в которое входят 60 аналоговых и более 100 цифровых каналов. 28 июня 2016 года компания «Стрела Телеком» отметила 15-летний юбилей. Но сколько бы лет ни отметила компания, все ее достижения – заслуга коллектива, а значит, знакомить читателей мы будем с людьми – сотрудниками компании..

Генеральный директор компании Сергей Николаевич ЧЕРНИКОВ рассказывает:

- 15 лет назад мы были небольшой организацией ООО «Телесистема «Астра», объединяющей несколько кварталов города и предоставлявшей одну услугу – кабельное телевидение. 28 июня 2001 года к ООО «Телесистема «Астра» был подключен первый абонент. С того времени нашими пользователями стали тысячи жителей города, а локальная сеть одного микрорайона превратилась в структуру, предоставляющую современный телекоммуникационный сервис полного объема. Затем, в 2011-м году компания вошла в группу операторов «Стрела Телеком», работающую не только в Ангарске, но и в Иркутске, Усолье-Сибирском, Тайшете, Нижнеудинске, Димитровграде, Томске, Улан-Удэ, Хабаровске. В Ангарске трудятся около 100 сотрудников. После 2011 года у нас

• День рождения компании «Стрела Телеком», июнь 2015 года

появилась новая услуга – широкополосный доступ к сети Интернет. Сейчас мы предоставляем услуги Интернета и кабельного телевидения в дачных и коттеджных поселках.

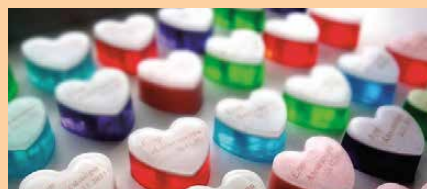
Планов – громадье, как говаривал классик! Я уверен, что у компании «Стрела Телеком» большое будущее!

Это, так сказать, из истории. А так, мы – обычные люди со своими историями и увлечениями. Недавно я вернулся с V рыболовного фестиваля, проводимого телеканалом «Охота и рыбалка» на Волге. Его участниками на этот раз стали руководители и представители телекоммуникационных компаний. Рыбачили целую неделю! Я занял второе место: поймал на поплавок трёх карпов общим весом 4 кг 400 граммов и в финале – трёх карпов на спиннинг общим весом 5 кг 290 граммов. Есть у меня и другое увлечение – это арбалет и пневматика.

• С. Н. Черников, генеральный директор

• Вера Викторовна ГЕРБЕР
и её шедевры мыловарения

Вера Викторовна ГЕРБЕР, ведущий специалист по кад- рам, продолжает рассказ:

- Я работаю в компании четвёртый год. Люди работают стабильно, получая «белые» зарплаты и полные соцпакеты. Уверенность в завтрашнем дне важна сейчас для любого человека, и компания её гарантирует. Мы часто поощряем своих сотрудников, организуем выезды на турбазы и корпоративные мероприятия, а также праздники для наших ребятишек на 1 сентября и Новый год. В прошлом году перед Новым годом отдел маркетинга проводил конкурс детского рисунка, и работы детей попали в фирменный календарь «Стрела Телеком». Этот проект всем пришелся по вкусу. Оказалось, что люди у нас работают творческие, имеющие очень разнообразные хобби!

• «Кубок Байкала», 2016. В центре - А. Миронов

Я сама в свободное от работы время занимаюсь изготовлением художественного мыла. Необыкновенно захватывающий процесс! Это скорее даже не мыло, а замечательные сувениры! Но им, конечно, можно мыться!

Антон Николаевич МИРО- НОВ, монтажник электросвя- зи компании «Стрела Теле- ком», продолжает:

- Я работаю в компании около двух лет. Считаю, что наш коллектив - слаженный и высокопрофессиональный. Каждую неделю на планерках мы обсуждаем текущие вопросы, решаем технические проблемы, чтобы абоненты получали качественные услуги. Кстати, наши абоненты, которые регулярно без просрочек оплачивают услуги, получают дополнительные бонусы. А бонусы в свою очередь можно менять на разные товары с логотипом «Стрела Телеком» или пользоваться этими бонусами для продления обещанного платежа. В праздники компания часто устраивает конкурсы рисунков для детей, дарит подарки в свой день рождения и на Новый год. Вообще, мы стараемся быть ближе к своим абонентам!

С детства я увлекался компьютерными играми, программированием

и робототехникой, но у меня есть и другое хобби – восточные танцы. Мой наставник – руководитель школы восточного танца Ирина Миронова, она же моя мама. Меня привлекают сольные мужские восточные танцы, и если есть возможность, я учусь у опытных инструкторов из Египта, принимаю участие в различных танцевальных конкурсах и фестивалях. Вместе со мной танцует и моя девушка Ольга, за последнее время мы дважды выигрывали «Кубок Байкала» и заняли второе место на «Кубке Прибайкалья».

Сергей Николаевич ЧЕРНИ- КОВ заканчивает рассказ:

- Все эти 15 лет мы накапливали опыт и неустанно работали во благо клиентов. За это время при нашей поддержке реализовывались многие общественные проекты, а нашими партнёрами стали многие известные компании. Мы благодарим все организации, которые с нами сотрудничают, наших многочисленных пользователей Интернет. От всей души поздравляю с юбилеем специалистов компании «Стрела Телеком» и наших клиентов!

■ В. ГРИГОРЬЕВ,
фото автора
и из архива компании

Первая грамота... в пять лет!

Мы продолжаем рассказывать о тружениках Ангарской нефтехимической компании, достойно поддерживающих спортивную славу ПАО «НК «Роснефть». Наша героиня – Инна БЕЗРЯДИНА (ранее она работала оператором цеха №53 УВК, сейчас трудится в АО «АЗП»), далее – её рассказ:

- Родилась я на севере Иркутской области, в поселке Мама. Отец работал шофёром и увлекался охотой и рыбалкой, мама работала в магазине. Когда мне исполнилось 3,5 года, наша семья переехала в Ангарск. Мне было скучно в городе, в садик меня не брали. Чем было заняться ребёнку, привыкшему жить на воле? Однажды соседский мальчик привёл меня в зоокружок Дворца пионеров. Теперь каждое утро я убегала радостная из дома, чтобы ухаживать за зверюшками! Наступило лето, и в нашем квартале открылся детский клуб «Энтузиаст». В нём можно было ходить в спортивные секции и заниматься танцами, и первая спортивная грамота была мне вручена уже в пять лет!

Подрастая, я пробовала заниматься разными видами спорта, но коньки мне нравились больше всего. Именно поэтому я пришла на стадион «Ангара» к Нине Валентиновне СУЗДОЛЕВОЙ, училась я тогда в школе №17 и участвовала во всех школьных соревнованиях. В 6-м классе я перешла в школу №31. Как-то на уроке физкультуры я бежала кросс с мальчишками, успешно его выиграла, меня заметил и пригласил в конькобежную секцию тренер Анатолий Николаевич КРЕСИК. Началась серьезная подготовка, и в октябре того же года меня взяли на сборы в Киев. В четырнадцать лет я выполнила норматив кандидата в мастера спорта СССР.

Шли годы... В определённый момент мой пятилетний сын Игорь получил разряд по спортивной гимнастике, а через год Анатолий Николаевич Кресик пригласил его в спортивный лагерь «Олимпиец», по приезду из которого Игорь выбрал коньки. В шестнадцать лет сын, выполнив норматив мастера спорта, уехал в Санкт-Петербург, поступил в Училище Олимпийского резерва и стал выступать за этот город. Позже он стал мастером спорта международного класса, призёром Чемпионата Мира, рекордсменом России, долгое время выступал в сборной команде страны. Мой младший сын Виталий также тренировался у Анатолия Николаевича, выполнил норматив мастера спорта и выступал за Санкт-Петербург.

... В 1996-м году я устроилась работать в цех №53 УВК оператором, начала участвовать во всех соревнованиях ветеранов по конькам, лыжам, баскетболу, плаванию и легкой атлетике ПАО «НК «Роснефть» (И. Безрядина - многолетняя чемпионка России, Европы и Мира среди людей старшего возраста, чемпионка ПАО «НК «РОСНЕФТЬ» на дистанции 500 метров в хоккейной коробке – прим. редактора). Победы на таких состязаниях вызывают ни с чем несравнимую гордость за родное предприятие! Вообще, профсоюзная организация Ангарской нефтехимической компании оказывает неоценимую помощь спорту. Сборная АО «АНХК» на протяжении ряда лет - победитель финалов Спартакиады ПАО «НК «Роснефть».

Кроме того, компанией проводятся многочисленные соревнования в Ангарске. Так, на сегодняшний день я являюсь организатором конькобежного марафона на озере Байкал. Огромная заслуга в этом - руководства и спортивного комитета АО «АНХК». Так держать!

■ В. РАЙТ,
фото из архива И. БЕЗРЯДИНОЙ

Спортивная летопись АО «АНХК»

О достойных спортсменах и новых вершинах

Алёна Викторовна ЧЕРНЫШОВА – оператор на ТСП в Ангарской нефтехимической компании. Человек очень скромный. «Почему вы хотите написать обо мне? Есть более достойные спортсмены!» – говорит она при встрече. О наградах и медалях она не рассказывает, хотя много сил и времени отдавались и продолжают отдаваться спорту.

В 2007-м году Алёна Викторовна устроилась работать на комбинат в пожарную часть №20 и почти сразу стала участвовать в соревнованиях в составе команды «Пожарная безопасность». В 2008-м году эта команда впервые приняла участие сначала в зональных, а затем и во Всероссийских соревнованиях среди предприятий ПАО «НК «Роснефть». 2009-й и 2010-й годы особо порадовали спортсменов: 2-е общекомандное и 3-е командное места соответственно. Большой вклад в удачное выступление эстафетных команд внесла Алёна Чернышова, участвовавшая в легкоатлетической эстафете 4*100 метров. Алёна Викторовна рассказывает:

- В 1987-м году на урок физкультуры в нашу школу приехал тренер Николай Михайлович КУНИЦИН. После урока он пригласил на занятия несколько девочек-пятиклассниц в спортивную секцию лёгкой атлетики. Так я стала заниматься в ДЮСШ №1... Сначала я специализировалась в беге на средние дистанции, но в четырнадцать лет решила попробовать многоборье и начала заниматься у Заслуженного тренера РФ Надежды Григорьевны ЛАПОВОЙ. Становилась неоднократным победителем и призёром городских и областных соревнований, призёром зональных первенств. Выполнила I-й спортивный разряд, позднее получила звание кандидата в мастера спорта по многоборью. В 1993-м году я поступила в Училище Олимпийского резерва, по окончании которого некоторое время работала в школе учителем физкультуры.

Мой муж – мастер спорта по боксу, и своих детей мы приучаем к занятиям физкультурой и спортом. Мы уверены, что это поможет им найти правильную дорогу в жизни!

В завершение нашей непродолжительной беседы Алёна Викторовна говорит: «Выражаю благодарность отделу по физической культуре и спорту, профкому Ангарской нефтехимической компании за поддержку спорта. Сборная команда АО «АНХК» на протяжении многих лет - победитель финалов Спартакиады ПАО «НК «Роснефть». А победы на состязаниях такого уровня заставляют спортивных тружеников компании стремиться к новым вершинам!»

■ В. РАЙТ,
фото из архива А. Чернышовой

Взывая к памяти...

26 апреля 1936 года было подписано Постановление №776-120с
Совета Народных Комиссаров Союза СССР
«О выселении из УССР и хозяйственном устройстве
в Карагандинской области Казахской АССР 15 000
польских и немецких хозяйств».

«Сейчас я на 84 году жизни. Мои родители - Петровский Франц Антонович, 1903 года рождения и Петровская (в девичестве - Щенсневич-Вронская) Рузалия Иосифовна, 1904 года рождения, - польской национальности, родом из Каменец-Подольской (ныне-Хмельницкой) области. Отец - из с. Дахновка Сатановского района, мать - из с. Кузьминьська Слобидка Городокского района.

Родители получили начальное образование в объёме 3-х классов, трудились на колхозной земле. Отец к тому же выполнял общественные обязанности в качестве секретаря комнезама (комитет незаможных, т.е. бедноты, в России - комбеды).

По вероисповеданию родители - католики. Родной язык - украинский, с примесью польского, а где-то и еврейского (в Каменец-Подольской области на протяжении многих веков проживало много евреев). В школе преподавание велось на русском языке.

Я в семье был вторым ребёнком. Сестрёнка Галя на 5 лет была старше.

Обрывки детских воспоминаний сохранились с 3-х летнего возраста. Глиняный дом с глиняной же завалинкой, под соломенной крышей («стрихой»), в который почти упирался спуск с высокого пригорка («горба»), с ударением на букву «о». Сразу же за домом участок кукурузы, а за ним - «садочок» с вишней, грушей, яблоней, на толстую нижнюю ветку которой я пытался взобраться. Неудачная попытка поиграть с жеребёнком, который правила игры понял по-своему и крепко лягнул меня копытом в лоб... Полуподземный курятник с небольшой печуркой и вмуrowанном в неё чугунком для выгонки самогона. Из теста,

которым обмазывалась крышка котелка, отец на углях пёк для меня невероятно вкусные лепёшечки. А когда закапал «первачок», он дал мне его попробовать. Не знаю, попросил ли я попробовать подпольную продукцию сами или отец решил проверить, какой у него растёт «мужик», но у меня, очевидно, произошёл спазм дыхания - говорят, я посинел, и едва меня откачали... Вот и всё, пожалуй, что сохранилось в памяти из беззаботного детства.

Вторую картинку из дахновского детства уже можно обозначить как переходную между устоявшейся прошлой и неизвестной тревожной будущей жизнью... Запомнился ненастный дождливый день с порывами злого холодного ветра. Мы с отцом спускаемся по скользкой тропинке того самого «горба», что ведёт к нашему дому. Отец, одетый в коричневый зипун (разновидность домотканого грубошерстного плаща), пытается укрыть меня полкой зипуна от порывов ветра. А я, наоборот, вырываюсь из-под полы, из-за едкого запаха газа (сернистого?), которым была обработана наша одежда перед отправкой в «сибирскую» ссылку.

Семья собиралась, быть может, навсегда, в далёкую страну с каким-то пугающим названием «Сибирь». Мама поминутно вытирала слёзы, притихли и мы с сестрёнкой. Отец был угрюм и неразговорчив. В список на высылку не попали младшая сестра отца и его брат, к тому времени призванный в ряды Красной Армии. Для жителей села ссылка в Сибирь не была новостью: в начале 30-х годов ссылали кулаков, потом цыган. А нас-то за что? Никто не объяснял. Мама за что-то упрекала отца - «за язык». Он отмалчивался. Лишь спустя годы он как-то высказал

предположение, что ему таким способом отомстил оперуполномоченный за отказ стать доносчиком. Потом было предположение, что поводом для высылки явилась его нескрываемая религиозность, а также критическое отношение к советской власти. Люди, конечно, догадывались, но истинная причина открылась лишь после смерти Великого Кормчего и опубликования секретных документов.

Справка: Постановление №776-120 Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15000 польских и немецких хозяйств».

Совет Народных Комиссаров Союза ССР
ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Возложить на Наркома Внутдел СССР переселение и организацию поселений в Карагандинской области Казахской АССР для польских и немецких семейств, переселяемых из УССР в количестве 15000 хозяйств - 45000 человек, по типу существующих сельскохозяйственных трудпосёлков НКВД. Переселяемый контингент не ограничивается в гражданских правах и имеет право передвижения в пределах административного района расселения, но не имеет права выезда из мест поселений.

2. Жилищно-хозяйственное и коммунально-бытовое строительство, а также сельско-хозяйственное устройство контингента возложить на ГУЛАГ НКВД с привлечением сил и средств самих переселенцев. Весь скот, находящийся в пользовании выселяемых, отправить вместе с выселяемыми хозяйствами в Казахстан.

3. Обязать НаркомВнуторг СССР немедленно отпустить ГУЛАГ НКВД для временного размещения переселяемых 250 больших палаток.

Председатель СНК СССР В. Молотов.

Примечание: На основании Постановления СНК СССР от 28 апреля 1936 г. из пограничных районов Украинской и Белорусской ССР были выселены 36 045 поляков-граждан СССР.

Примечание: предыдущее Постановление СНК СССР №11-1-21 от 23 января 1936 г., касающееся выселения поляков из Украины в Казахстан, в подлиннике найти не удалось. Всего репрессировано поляков 60 000 человек. А из моего родного Сатановского района - 500 семей. Формальные основания для высылки: сотрудничество с польской разведкой, переписка с заграницей, антисоветская агитация (ст. №58 УК РСФСР). Никаких судов, однако, не было. По меткому выражению одного правозащитника, «Уголовный Кодекс был сам по себе, а Гулаг – сам по себе». Основным же мотивом массовых переселений народов был почти дармовой принудительный труд, для реализации которого уже первыми ленинскими декретами предписывались драконовские методы.

Чудовищный маховик принудительного переселения целых народов, зацепивший первыми дальневосточных корейцев и украинских поляков, раскручивался в последующие годы с устрашающей неумолимостью. О масштабах этого беспрецедентного в мировой истории социального эксперимента можно судить по записке К.Е. Ворошилова в Президиум ЦК КПСС от 4 марта 1954 г.

О количестве и качестве спецпоселенцев в СССР

Тов. Маленкову Г.М.

Тов. Хрущёву Н.С.

В дополнение к ранее посланным материалам направляю Вам краткую справку о спецпоселенцах.

По данным МВД СССР на спецпоселении в настоящее время всего находятся 2 819 776 чел., в том числе детей, не достигших 16-летнего возраста – 884 057 чел.

Основную группу спецпоселенцев – около 2-х млн. человек, составляют немцы из районов Поволжья, были выселены на основании Указа от 28 августа 1941 г. Одновременно были выселены немцы из Московской и Ленинградской областей, Украины, Северного Кавказа, Крыма и других территорий. Всего было переселено за этот период 856 637. После войны по распоряжению СНК СССР были направлены на спецпоселения 208 462 чел. репатриированных немцев. В 1948 г. были взяты на учёт как спецпоселенцы 159 906 чел. немцев-местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Казахстана и других территорий. Всего, таким образом, немцев на поселении находится в настоящее время вместе с детьми 1 225 105 чел.

В соответствии с Указами от 12 октября 1943 г., 7 марта и 8 апреля 1944 г. из районов Северного Кавказа было переселено карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев всего 489 118 чел. И по указу от 27 декабря из бывшей Калмыцкой АССР 79 376 калмыков.

Крымские татары были переселены на основании Постановления ГОКО от 11 мая 1944 г. Одновременно были выселены из Крыма немецкие пособники из числа греков, армян и болгар. Всего выселенных из Крыма находятся на спецпоселении 199 215 чел.

В местах поселений находятся также лица, выселенные в соответствии с Указом Президиума Верховного совета СССР от 21 февраля и 2 июля 1948 г. по общестынным приговорам общих собраний колхозников или крестьян села, как злостно уклоняющиеся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни – 27 285 чел.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 года сосланы на поселение отбывшие наказание шпионы, троцкисты, меньшевики, правые, террористы, националисты и другие особо опасные преступники, всего 52 468 чел. В местах поселений находятся также другие категории выселенных по решениям Правительства СССР: бывшие кулаки, выселенные из районов сплошной коллективизации на основании Постановления ЦИК и СНК от 1.02.1931 г. и не снятые с учёта спецпоселения.

«Оуновцы», выселенные из западных областей Украины на основании Постановления СМ СССР от 10 сентября и 4 октября 1948 г. – 175 063 чел.; инородные и бывшие инородные, лица без гражданства и другие – 160 197 чел.; «власовцы» - 56 476 чел.; бывшие помещики, фабриканты, сотрудники карательных органов бывших буржуазных правительств Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, Румынии, члены их семейств – 86 799 чел.

Совместная директива Министра внутренних дел и Прокурора СССР от 16 мая 1949 г. предусматривала: все дети спецпоселенцев по достижении 16-ти летнего возраста и проживающие с родителями (родственниками), подлежат зачислению на ВЕЧНОЕ поселение, и им объясняется Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., которым устанавливается уголовная ответственность за самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения (до 20 лет тюрьмы). Территория спецпоселений охватывала почти всю Сибирь и республики Средней Азии.

Как работала «кухня» по отбору кандидатов на спецпоселение? Для этого в СССР была создана уникальная карательная система. Политические аресты отличались тем, что схватывались люди ни в чём не виновные, а потому и

не подготовленные ни к какому сопротивлению, что и требовалось: «смирная овца волку по зубам». Брала прежде всего наиболее самостоятельных, наиболее влиятельных, умных, заметных. Поводом для ареста и ссылки мог быть анонимный донос, невзначай сказанное слово, под девизом: «Был бы человек, а дело создадим». Следователям нужны были цифры, ибо они - их спокойная жизнь, их дополнительная оплата, награды, повышение в чинах. Низкая раскрываемость, недостаточные «посадки» - плохая работа. А в общем, главной движущей силой в действиях Органов снизу доверху была жажда власти. Исполнение этой формы внесудебной расправы было возложено на ВЧК, совместивший в себе слежку, арест, следствие, прокуратуру, суд и исполнение решений.

Теперь, после общего обзора, попытаемся отдельными штрихами изобразить жизнь семьи спецпереселенцев-поляков в Северном Казахстане. Итак, поезд с переселенцами в вагонах-товарняках медленно, с длительными остановками по несколько часов в сутки, движется. Две больших деревянных полки в вагоне с охапками соломы. Коровы - в соседнем вагоне...

Миска с молочной лапшой на этой полке, расплескивающаяся при движении поезда. Железнодорожный вокзал в Пензе с красивыми разноцветными огнями на путях и невероятно высокой сводчатой кровлей. Стадо маленьких, «игрушечных» (как мне тогда казалось) коров внизу, далеко от дорожного полотна. Развалившаяся бочка солёных огурцов при неумелой выгрузке из вагона.

С западной Украины в далёкую Сибирь один за другим тянулись длинные эшелоны по 55 вагонов, в каждом по 25-30 человек. Так, с пересадками, мы прибыли к месту назначения, село Гусаковка Арык-Балыкского района Кокчетавской области Казахской АССР.

Нашу семью из 4-х человек разместили, наверное, по разнарядке сверху, в двухкомнатной квартире Чёрных Филиппа и Прасковьи, у которых тоже было двое детей дошкольного возраста: старший - Владимир и моя ровесница - Надя. Несмотря на явную тесноту (по комнате на семью из 4-х человек), семья Чёрных приняла нас на постой вполне доброжелательно, и каких-либо конфликтов между семьями, несмотря на тесноту, не помню.

Весной, как только сошёл снег и оттаяла почва, начали строить свою «хату» на оставленном безвестным для нас предшественником участке земли площадью около 25 соток, между усадьбами Кухтенко Ивана и Захлебаевых.

Двухкомнатная хата-мазанка с холодными сенями и непременно лампасом (двором для скота) построены были в то же лето. Отец мой, имевший образование в объёме 3-х классов церковно-приходской школы, был признан достаточно грамотным человеком для назначения его учётчиком тракторной бригады. Можно сказать, начало жизни на новом месте складывалось для нашей семьи удовлетворительно. Но так сложилось не для всех семей спецпереселенцев, прибывших одновременно с нами. Вскоре по прибытии однажды утром посёлок был взбудоражен происшествием: среди ночи в деревню приехал «воронок», - легендарный транспорт карательных органов того времени. Были арестованы почти половина мужчин и одна женщина из нашей группы переселенцев. И всё. Больше их никто не видел и не слышал. Года через три вернулась только женщина по имени Климентина, не имевшая семьи. Судя по рассказам старших и по собственным наблюдениям, до начала войны нетронутые карателями переселенцы жили и трудились наравне со все-

ми жителями села, без каких-либо правовых ограничений (возможно, без права на постоянный выезд).

Правовые различия чётко обозначились с первых же дней войны. В отличие от других деревенских мужчин, мобилизованных на фронт, моего отца вместе с другими мужчинами - спецпереселенцами мобилизовали на принудительные работы на угольных шахтах Караганды. Работал отец на шахте опрокидчиком: работа заключалась в подхватывании поднимающейся на эстакаду высотой 15 метров вагонетки с углём и опрокидывании её вручную. Однажды, вероятно, от голода при подходе вагонетки у отца закружилась голова, и он машинально ухватился за подъёмный трос. Руку втянуло под натяжной ролик, и отца сбросило с эстакады. С раздробленной кистью отец каким-то чудом пролетел между конструкциями эстакады и благополучно приземлился на гору угля, потеряв при этом сознание. По его убеждению, спасла его от верной гибели Мать Божья, к которой он обратился во время падения с мольбой о спасении: «Matka Boska!» (примеч. автора: обращение польского католика в критический момент к Высшей Заступнице). Отлежав с кое-как слепленной рукой в местном госпитале некоторое время, отец был признан непригодным к дальнейшей работе на шахте и демобилизован. Повторно он был призван, несмотря на тяжёлое увечье, в действующую Армию в 1945 г. в связи с иранскими событиями, но, доехав в военном эшелоне до Кушки, вскоре вернулся домой. В ситуации с Ираном наступила разрядка.

По возвращении домой отец и вся наша семья были взяты на спецучёт как спецпереселенцы, наряду с другими принудительными переселенцами: поляками, немцами, ингушами, греками.

В чём заключался этот самый «спецучёт»?

1. Никаких удостоверений личности на руках.
2. Ни шагу за пределы территории села без письменного разрешения коменданта, сержанта Макашова.
3. Любые изменения в семейном положении незамедлительно должны доводиться до «коменданта».
4. Желая продолжить учёбу в ВУЗе иметь в виду недоступность большинства профессий.
5. Любое нарушение установленного режима грозило нарушителю лишением свободы до 20-ти лет.

Даже на посещение соседнего села требовалось разрешение коменданта. Например, без его разрешения я не имел права посещать школу в соседнем селе - в своём селе было только 7 классов. Кроме родителей и меня, фактически репрессированного в 4-х летнем возрасте, на спецучёт была поставлена и моя сестрёнка Янина, родившаяся уже в Казахстане и абсолютно а priori не создававшая никакой угрозы безопасности гигантской державе. Обязательной нашей повинностью была ежемесячная личная явка на «отметку» к коменданту Макашову. Будучи активным общественником (председатель учкома школы), спортсменом, защищавшим честь школы по лыжам и лёгкой атлетике на районных и республиканских соревнованиях, я был принят в комсомол (членство в КПСС для спецпереселенцев было недоступно).

Близилась к окончанию учёба в средней школе. Надо было решать, где учиться дальше. Хотелось поступить в университет на биофак, посвятив себя научно-исследовательской работе. Ближайший университет в Омске, но это уже РСФСР! И путь туда спецпереселенцу из Казахстана заказан... Как бы поступил на моём месте уважаемый чи-

татель, будь он таким же наивным? Правильно, обратился бы в самую высокую инстанцию, которой подвластно всё. Именно к Иосифу Виссарионовичу Сталину. Решено-сделано. Письмо с просьбой сделать исключение для двоих (надо думать, особо одарённых!?) выпускников школы, в то время, когда за решётками ГУЛАГа томились свыше полутора миллионов ни в чём не повинных советских граждан. Письмо подписали мы вдвоём с Саней Возным, таким же легковёрным идеалистом. Получили мы, как и следовало ожидать, не ответ за личной подписью всемогущего, а приглашение... в Отдел внутренних дел, в ведении которого в то время находились спецпереселенцы. Чиновник в погонах с ехидной самодовольной улыбочкой предложил расписаться об ознакомлении с ответом вышестоящего чиновника - разумеется, отрицательным.

Однако, похоже, блюстителям безопасности государства лаконичного ответа показалось недостаточно для «вправления мозгов» двум инициативным «недорослям». Очевидно, в целях «воспитания» они решили нас проучить, «дабы впредь не повадно было». Сделать это было не сложно, имея в своих руках полный контроль над документооборотом. Суть дела в том, что абитуриент-спецпереселенец обязан был предъявить в РОВД вызов на экзаменационную сессию из института и получить разрешение на выезд. Вот здесь-то и была «зарыта собака». Начало сессии, согласно вызову, с 1 августа. Но до 1 августа РОВД разрешение не выдало. Наступило 10 августа. Разрешения нет. Обращаюсь за помощью к директору школы, участнику войны, коммунисту Д.Я. Перминову, который, в свою очередь, обращается к Первому секретарю райкома КПСС, также участнику войны, родом из Прибалтики, где к тому времени тоже прокатились массовые репрессии на национальной основе. Вмешательство Первого оказалось действенным: 13 августа долгожданное разрешение было получено, но впереди ещё пять дней пути от Кокчетав до Алма-Аты. Родители, не стянувшие ещё концы с концами после военной разрухи в семейном бюджете, с трудом «наскребли» на билет в один конец. Спустя более полувека, сейчас мне трудно объяснить, на что надеялся, решаясь на столь опрометчивый шаг. Без зачисления на учёбу меня следовало принудительно вернуть по месту проживания...

19 августа я переступил порог Казахского Государственного Медицинского института им. В.М. Молотова. Председатель приёмной комиссии не очень удивился столь запоздалому абитуриенту (видно, я был не первым с такой историей) и разрешил рискнуть, заметив, что завтра уже будут вывешены списки зачисленных. Предыдущая ежедневная гонка со сдачей экзаменов внезапно прервалась на последнем острой ангиной с высокой температурой, уложившей меня на 3 дня в постель. Спасибо школьным учителям: в экзаменационном листе три пятёрки и одна четвёрка (та, что с ангиной). Проходной балл получился вполне приличный, но вопрос о зачислении в студенты завис в ранге кандидата и висел в течение месяца, пока несколько мест на студенческих скамьях не освободили студенты, у которых не хватило характера заниматься с анатомическими препаратами.

Зачисление было кстати: комендант, здесь уже в звании лейтенанта, строго предупредил: «Если в 10-ти дневный срок не предоставите документ о зачислении в институт, Вы будете обязаны выехать из Алма-Аты». На курсе оказалось около 1/3 студентов, состоявших на спецучёте: корейцы, немцы, поляки, чеченцы, ингуши, балкарцы, кал-

мыки, крымские татары. Среди этой «компании» оказались и довольно экзотические личности: француз Шерюбле; венгр Степан Добо, сын дипломата; Виктор Томзен, внук англичанина, когда-то осевшего в России; Владимир Мухараев, - сын украинки и калмыка, до репрессии занимавшего пост Министра рыбной промышленности Калмыкии; Эдуард Бызов, - сын немца-хирурга и русской матери-медсестры, фамилию которой дали сыну, надо думать, для избавления от опеки органов Госбезопасности. Уловка не прошла!

Позже чувство унижения, социальной несправедливости и некоей неполноценности испытывали мы, ребята-спецпереселенцы, когда всем, кроме нас, вручали повестки на медкомиссию в военкомат. Чтобы не выглядеть в глазах однокурсниц непригодным к службе в Армии, я даже постригся наголо...без всякой пользы.

Из Указа СНК СССР от 26 ноября 1948 г. «... немцы, поляки, калмыки, ингуши, чеченцы, латыши и другие переселенцы в предоставленные районы переселены навечно и выезд их из мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет».

Перспектива «загреть» на каторгу не очень вдохновляла, поэтому люди искали различные варианты обмана строгих комендантов. Каюсь, пришлось согрешить и мне. Расскажу, как это было. 1952 год. Приближались летние каникулы. Хочется побывать дома, повидать родных (напомню: Кокчетавская область, почти 5 суток езды поездом). А денег на дорогу нет, и родители ничем помочь не могут. Нанимаюсь на работу в «Горпищеторг» грузчиком в бригаду по заготовке саксаула в прибалхашской пустыне Сары-Ишик-Отрау, в 300 км к северу от Алма-Аты. В пустыне, ясное дело, коменданты не обитают, за неимением спецконтингента, поэтому о разрешении на эту экспедицию не могло быть и речи. Беру разрешение на поездку к родителям и уезжаю... в пустыню. Пообщавшись полтора месяца со скорпионами, фалангами, змеями и прочими пустынными тварями, возвращаюсь в город на машине, хорошо нагруженной саксаулом. Искать покупателя долго не пришлось: саксаул в те годы в Алма-Ате, как основной вид печного топлива, был нарасхват. Вырученных от продажи саксаула денег было достаточно на дорогу в оба конца и на скромные гостинцы для родных. Немедленно выезжаю в Кокчетав. Дома в бумаге комендант делает отметку о прибытии и выбытии, что и требовалось. По возвращении в Алма-Ату, не моргнув глазом, предъявляю коменданту «правильный» документ.

Справка: по сохранившимся документам (многие документы по репрессиям уничтожены или до сих пор хранятся в архивах, недоступных исследователям), с 1921 по 1953 гг. репрессировано 4 млн. 60 тыс. человек. Из них 799 455 приговорены к расстрелу. Только по национальному признаку были репрессированы 3,5 млн. человек. За 1937-1938 гг. по ст. 58 (контрреволюционные преступления) были осуждены 1,3 млн человек, из которых половина были расстреляны. Знаменитые «тройки» рассматривали в день до 100 и более «дел». Приговор «ВМН» (расстрел) выносился без каких-либо судебных формальностей. В числе репрессированных было свыше 10 тыс. детей, находившихся с родителями в местах лишения свободы или местах высылки. По статистике МВД, на 1 января 1953 г. количество спецпереселенцев в СССР составляло 2,7 млн. человек.

Смерть Сталина вселила в нас, спецпереселенцев, надежду на скорое облегчение участи изгоев общества. Однако, на это ушли многие годы...Первым документом о начале реабилитации стало Постановление СМ СССР от 1 августа 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев». 17 января 1956 г. было принято Постановление СМ СССР «О снятии ограничений по спецпоселению граждан, высланных в 1936 г. из Украинской ССР». Спецнадзор был упразднён в 1956 г., но до 1959 г. большинство репрессированных не имели паспортов. В некоторых районах их выдали только в 70-е годы.

Спустя 20 лет после высылки мои земляки без разрешения коменданта Макашова, должность которого упразднили, могли побывать на своей родине и при желании, даже туда вернуться. Некоторые уехали. Другие, мои родители – в том числе, поглядев на горемычную жизнь своих украинских родственников, решили остаться на насиженных местах. Отец к тому времени получил правительственную награду - медаль «За освоение целины». Я окончил институт, получил временное удостоверение личности. Это был ещё не паспорт, но уже и не справка коменданта. По распределению прибыл с семьёй на работу в г. Зыряновск Восточно-Казахстанской области.

Процесс реабилитации начался после доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. Но до полноценной реабилитации, как оказалось, было ещё далеко. Ещё лет тридцать в листах по учёту кадров существовала графа о репрессии в прошлом и сведения о переписке с заграницей. Следовало сообщать, были ли репрессированы родственники. Система свои дубинки отдавать никак не хотела. В этом я убедился на собственном опыте. В 60-70-е годы прошлого века тысячи советских граждан выезжали на работу за границу. Процесс этот находился под жёстким контролем спецслужб. Требовалось заполнить огромные анкеты, с обязательным ответом на вопрос о репрессиях. Несколько моих попыток улучшить таким способом семейное благополучие закончились провалом: отказом без объяснения причин. Случился и другой «облом». Моя успешная работа в санатории-профилактории Ангарского нефтехимического комбината привлекла внимание 3-го Главного управления

МЗ СССР, работа в системе которого считалась весьма престижной. Меня вызвали на собеседование в Москву. Начало разговора было довольно конструктивным: фактически мне предлагалась должность главного врача крупного санатория в этой системе. Предложили заполнить анкету. Кадровик (на кадры в те годы «садили» обычно штатных или внештатных сотрудников спецслужб) взял мою анкету, углубился в изучение и будто споткнулся, дойдя до графы о репрессиях. Было видно, что его интерес ко мне сразу поубавился. Рандеву закончилось туманным обещанием сообщить о принятом решении, которого я не дождался. А шёл-то уже 1974 год!

В ноябре 1989 г. Верховный Совет СССР принял Декларацию о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению. Фактически процесс реабилитации начался после Указа Президента СССР от 13 авг. 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов». Закончился этот процесс в июне 1991 г. с принятием Закона «О реабилитации репрессированных народов». Тогда же, 06.06.1991 г. было принято Постановление КабМина СССР №336 «Об отмене Постановлений бывшего ГКО СССР и Правительства СССР в отношении советских народов, подвергшихся репрессиям и насильственному переселению». В эти годы я и мои близкие получили официальные уведомления о реабилитации.

Постановлением ВС РСФСР №1763/1-1 от 18 октября 1991 г. 30 октября учреждено как День памяти жертв политических репрессий. На одном из надгробных памятников кладбища политзаключённых под Пивоварихой высечены слова:

**ВЗЫВАЕМ К ПАМЯТИ ВАШЕЙ, ЛЮДИ,
И К ВАШИМ СЕРДЦАМ ВЗЫВАЕМ:
НЕ ДОПУСТИТЕ, ЧТОБЫ НАША СУДЬБА
СТАЛА ВАШЕЙ СУДЬБОЮ.**

■ С.Ф. ПЕТРОВСКИЙ,
Заслуженный врач РСФСР,
бывший главный врач санатория-профилактория
«Родник», г. Ангарск, февраль 2016 г.

• Мемориальное кладбище в Пивоварихе

Стихотворение написать – настоящий труд!

(продолжение, начало в №29)

Мы уже знаем, что с классическим стихотворением связаны три характеристики: размер, ритм, рифма. Рассмотрим, что такое рифма.

Рифма – созвучие в окончании двух или нескольких слов. Это звуковой повтор в конце ритмической единицы. Например:

*Растаял снежный городок,
зимой он серебрился в сквере,
и с неба солнечный поток
ласкает землю в полной мере.*

В данном четверостишье рифма: городок-поток, сквере-мере. И мы, услышав повторение в созвучии, сразу понимаем – речь идет о стихах! Рифмы бывают: односложные (мужские), двухсложные (женские), трехсложные. Если ударение выпадает на последний слог – мужская рифма, на предпоследний – женская. В приведенном примере рифма: город-поток – односложная (мужская). Здесь ударение падает на последний слог. А рифма: сквере-мере – двухсложная (женская), так как ударение падает на второй слог, считая с конца ритмической единицы.

В любом стихотворении мы рифмуем различные части речи: существительные, глаголы, наречия, местоимения, прилагательные, числительные. Если мы рифмуем одинаковые части речи (глагол-глагол, существительное-существительное, и т. д.), то это простая рифма. Особых трудностей она в подборе слов не вызывает. Процесс стихосложения становится более интересным, когда мы пытаемся зарифмовать разные части речи: глагол-наречие, существительное-прилагательное, существительное-наречие и так далее. Пример:

*И вроде март в календаре,
но вновь капризная погода,
затеяв споры о весне,
бросает снег и колобродит.*

Здесь мы видим рифму: погода-колобродит (существительное-глагол). Вот еще пример:

*Игра веселых, светлых дней,
кто в той игре переиграет,
но солнце светит веселей,
зима дорогу уступает.*

Рифма: дней-веселей. Дней – существительное, а веселей – наречие. Такая рифма гораздо интересней!

По расположению строчек с созвучными слогами можно выделить три вида рифм:

1. Смежная. Созвучны первая и вторая строка, третья и четвертая. Например:

Роза

*Твердый нрав и гордый стан
не напрасно розе дан,
как принцесса на балу,
любит роза честь, хвалу.*

В этом стихотворении рифмуются 1-я строка со 2-й (стан-дан) и 3-я с 4-й (балу-хвалу).

2. Перекрестная. 1-я строка рифмуется с 3-й и 2-я с 4-й.

Например:

Жарки

*На поляне жар безбрежный,
от жарков пылают травы,
запах тонкий, яркий, нежный;
как прекрасны их овалы!*

В этом стихотворении рифмуются 1-я строка с 3-й (безбрежный-нежный) и 2-я с 4-й (травы-овалы).

3. Кольцевая. 1-я строка рифмуется с 4-й, а 2-я с 3-й. Пример:

Фиалка

*Разноцветие фиалок
дарят людям красоту,
свет несут и доброту,
это летний вам подарок.*

Мы видим, что рифмуются 1-я строка с 4-й (фиалок-подарок) и также 2-я с 3-й (красоту-доброту). Рифма кольцевая.

Конечно, не всегда следует придерживаться канонических форм и шаблонов. Как и в любом виде искусства, так и в поэзии имеют место оригинальные формы, какие-то находки. Но... все же, прежде чем придумать что-то новое, всегда не мешает удостовериться, что вы всё-таки знакомы с основными канонами.

И в завершение материала, уважаемые читатели, предлагаю выполнить задание: определите, какая рифма (по месту ударения на слог, по виду) в данном стихотворении?

Багульник

*Когда цветет багульник в мае,
пылают ярко все кусты,
смотрю на них и удивляюсь:
в апреле были так просты.
Цветы весны бегут по склонам
все дальше, ярче, веселей,
вдали синеют в дымке горы,
журчит взволнованно ручей.
Люблю Байкал в веселых красках,
плывет прозрачная волна –
один такой – и вспомню сказку,
как убегала Ангара.
Хотелось ей в цветные горы,
кружиться в вальсе на балу,
и убежала, с ветром споря,
на счастье, или на беду?
Никто не скажет, грусть проходит,
сплетают реки вязь одну,
и солнце над водою всходит,
и в мае склоны все в цвету.*

■ Г. КУДАШОВА,

E-mail: meduniza50@mail.ru

Г.Я. Бабичев,
п. Маркова Иркутского района

ВДОВЫ

- Золотом осып меня, не пошла бы за этого Куцего, - разорялась Анюта Прошкина, сидя вместе с хуторскими бабами на завалинке старого, сложенного из самана, клуба.

- Так он же на руку куций, а остальное всё в порядке.

- Ха-ха-ха!.. – покотился в сумеречную тишину бабий смех.

- Ой, умру! – переломилась пополам Серафима. - Так мы и поверили, жди. Тебе сейчас безногого подсунь, ты его на ручки и в постельку. Ой, не могу! Ну и выпендючка ты, Нюрка.

- И-эх, бабоньки, не знаю, как чужого, - подала голос Антонина, - а своего без рук, без ног приняла бы, токо б живым остался. Ан нет, лишил Бог даже такого счастья.

- Што верно, то верно, - согласились бабы и притихли, завздохали.

Над хутором стлался кизячий дым, мычали коровы. С бугра, где стоял подбитый немецкий танк, доносились мальчишечьи голоса. Пацаны продолжали «громить» фашистов, давно давших драпу из этих мест.

Шёл последний год войны. Его так и называли последним, чуяли люди, что скоро конец мукам. Да оно и впрямь - не пятиться же во второй раз от собственных границ, куда пришли, оставив на российских полях миллионы жизней. Была тому и другая причина. Каждый видел, что провожать-то больше некого на войну, всех мужиков повымела она из родных селений. Дряхлостью подворий легло на хутора безмужичье. Сплошь и рядом можно видеть покосившиеся куреня, а уж о сараюшках и говорить нечего – стоят, будто обшипанные курицы, не на каждой и крыша-то есть. Говорят, к смерти привыкнуть нельзя. Можно. Привыкли. И на фронте, и вдали от него. В сорок пятом бабы уже не падали от похоронок, не искали жалости у соседок, потому что куда ни кинь, всюду беда злой ведьмой прошлась.

Хутор Вербный, затерявшийся в неоглядной придонской степи, не был исключением. Горькую чашу военного лихолетья он испил до конца. И немецкая оккупация проутюжила его, и добрая половина хуторян, ушедших на войну, уже никогда не вернётся с неё.

Последняя военная весна полыхнула рано. Уже в конце апреля степь соткала свой лазоревый ковер, в поредевших за войну садах покрылись розово-белым цветом колючие кусты терновника. Вечера пошли томные, ласковые. Оттого и не сиделось дома молодым вдовам, особенно когда на облезлой стене клуба появлялся клочок обёрточной бумаги с известием, что в хутор едет кинопередвижка. Тут уже никакое ворчание свекрух не могло их удержать на подворьях. Они надевали всё лучшее – и только их видели, а вслед неслошь:

- Ишь, вырядились вертихвостки; сыновья головы сложили, а их нечистая не берёт... - не от души, от горя материнского шли те слова. Понимали, ох понимали свекрови своих осиротевших невесток! Иная проводит ворчанием, а потом ткнёт кулаком в тёплый коровий бок и зальётся слезами. – Боже, за что ж ты лебёдушку покарал, счастья лишил на самом взлёте...

...На завалинке клуба бабы судачили об Анисье Тересковой, которая вышла замуж за приезжего механика Антона Прохорова. Крепко ему досталось на Курской дуге. Но шрамы на перебитых рёбрах не были видны, а вот изуродованная левая рука позволила острым на язык казачкам сразу же прозвать его Куцым.

Муж Анисьи, работавший до войны в колхозе кузнецом, погиб ещё в сорок первом под далёким Смоленском. Ох и убивалась же она, ведь и полгода не прожили вместе, а любил друг друга ещё со школьной скамьи. Вспомнит, бывало, Анисья, как их дразнили: «Тили-тили тесто, жених и невеста!» - и снова в безудержный плач. Но время и впрямь хороший лекарь, особенно, если рана в молодой душе. Неизбывность сил всегда переборет избывность горя. Постепенно оправилась Анисья, стала ходить на вдовьи посиделки. Повздыхают бабы, вспомнят бывшее ласковое счастье своё, а потом за вязанием да семечками, слышишь, и прорвётся несмелая грустная песня. Часто она оставалась недопетой, прерванной громким всхлипом. Бывало, и хором в рёв ударятся.

Антон Прохоров появился в хуторе прошлой весной. Приехал с тощим вещмешком, с искалеченной рукой и седой прядью на курчавой голове. Поселился в пустом доме умершей бабки Аксенихи и весь ушёл в работу. Дел в машинотракторной мастерской было невпроворот. Старенькая, частью трофейная, техника нуждалась в ловких руках мастера. Директор мастерской, безрукий танкист, глядя на работу Антона, удовлетворённо похмыкал:

- А ты, брат, того... кумекаешь в технике.

- Если ты об этом доходяге, - Антон ткнул сапогом в зубастое колесо старенького трактора. - **То** я его сам делал, собирал на конвейере.

- Так ты с тракторного?

- Угу, со дня пуска на нём, там и специальность приобрёл.

Так в работе с утренней до вечерней зорьки и летели дни. Впервые взгляд его голубых до небесной синевы глаз остановился на Анисье в сельповском магазинчике, куда он зашёл купить махорки. После этой встречи их тропки стали пересекаться всё чаще и чаще, бывалый солдат умел перехватить нужного ему человека. Но заговорить долго не решался, зная, что у казачки можно получить «отлуп» в два счёта. Набрался смелости для знакомства, когда приметил, как начинало полыхать румяное лицо Анисьи при их «нечаянных» встречах. Как-то в кино Антон подсел к Анисье и, кашлянув в кулак, спросил шёпотом:

- Что-то редко Вы ходите в кино?

- Куда уж тут... Хозяйство на руках. Вы бы отсели от меня, а то подумают чёрт те што.

- Думать никому не запретишь, это верно, - ответил Антон. - Проводить Вас хочу после кино.

- Ещё чего... - отодвинулась Анисья. - Придумай чего-нибудь посмешнее.

- Тогда сватов зашлю.

- Ну, даёшь, солдат, - хихикнула она и сама почувствовала, как тревожно ёкнуло сердце, а под кофточку словно углей кинули.

Дома она долго стояла перед зеркалом, треснувшим с угла на угол ещё

летом сорок первого. Она как раз мыла полы тогда. Вздригнула, как от выстрела, и растерянно уставилась на искалеченное зеркальное стекло. Вскоре получила похоронку на Василия. Вот и не верь в приметы. Анисья перевела взгляд с зеркала на фотографию мужа. Он стоял улыбающийся, с гармонью в руках. На последний предвоенный Первомай этой было. Лёнька, дружок Василия, щёлкнул его. Анисья долго не отрывала взгляда от весёлого лица мужа.

- Прости меня, Вася, - прошептала она, - ни в жисть не изменила бы тебе живому, но не вернёшь же тебя, не вернёшь... Вася, милый. Прости...

Она клятвенно сложила руки, буд-то и впрямь просила прощения за совершённую измену. Впрочем, разве только телом изменяют?

...Не одни синие глаза покорили молодую вдову. Вкралась женская жалость, особенно когда узнала Анисья, что вся семья Антона, жена и двое детей, погибли во время первой же страшной бомбёжки Сталинграда. Оттого и не остался он в городе, подался на хутора. И всё же долго не решалась Анисья дать Антону согласие на брак. В хату пускала, кормила густыми наваристыми щами, а сама садилась напротив и, подперев рукой щёку, смотрела, с каким аппетитом Антон набрасывается на еду. Порой

ей казалось, что это её Василий навораживает щи после тяжёлой кузнечной работы. Прохоров благодарил за угощение, натягивал на голову промасленную кепку и удалялся, полоснув украдкой глазами по тугой женской груди. Чужал солдат, танкистским напором тут не возьмёшь.

Видать, Антонова деликатность и поставила последнюю точку в их отношениях. Никакой свадьбы не было, да и на какие шиши её справлять? Просто перебрался Антон в Анисин курень, и вся недолга. Анисья хотела было снять со стены фото Василия, но Антон не позволил:

- Пусть смеётся солдат. Не над нами же... это он майскому солнышку был рад.

Что бы там ни говорили, но Анисья почувствовала себя вновь счастливой. Заиграла хата подновлёнными, подкрашенными ставнями, выпрямилась покосившаяся за войну летняя кухня. Словом, на подворье появился хозяин.

Бабы продолжали судачить в ожидании кинопередвижки, а скорее – балагура-киномеханика Андрея, когда из темноты к ним шагнула женщина. За спиной у неё был вещмешок, по бокам прилипли две детские фигурки.

- Вы не подскажите, где здесь Антон Палыч Прохоров живёт? – спросила женщина. Бабы наперебой кинулись объяснять, как пройти к Анисьиному подворью. Женщина поблагодарила и исчезла в темноте.

- Девки, да уж не жена ли это Куцего? – всполошилась первой Аня Прошкина.

- От язык без костей, - осадила её Серафима. – Тебе ж русским языком сказано – погибла у него семья, доподлинно известно.

- Табе всегда всё известно, - огрызнулась Аня.

- А то, что у него три сестры есть, ты об этом знаешь? То-то же. Да по всему видать, что сестра, уж больно лицом схожа.

- Ну и здорова ж ты брехать, Серафима. Чё ты там могла углядеть в темноте-то?

Прохоровы ужинали. На стук в дверь поднялся Антон. Он распахнул дверь и замер на пороге. Пронзительный крик «Антоша!» - заставил вздрогнуть Анисью. Лицо её стало бледнее мела. Она в каком-то полусознании слушала слова вошедшей женщины, которая отпустила Антона и подталкивала к нему детей:

- Толечка, Анечка, это же ваш папка...

Антон сам шагнул к детям, взял их на руки и начал целовать.

- Живы... Живы, родные вы мои...

Он повернулся к Анисье.

- Жёнка, это же дети мои, живые, видишь, а я-то... Стоп. Зина, а где же Клавдия?

- Клавдия погибла.

Медленно опустив детей на пол, Антон постоял, поникнув головой, потом повернулся к Анисье:

- Сестра это моя, Зинаида. Познакомься и собери им поесть.

Постепенно взрослые пришли в себя, накормили детей и уложили их спать. А в передней комнате при свете семилитровой лампы до самого рассвета сидели трое истерзанных горем людей. Зинаида рассказала, как в сентябре сорок второго Клавдия привезла к ней детей, потому что их Тракторозаводской район часто бомбили немцы, и она боялась за детишек. А в октябре Зинаида передали, что Клавдия погибла.

- Я был у дома, - тихо проговорил Антон, - в щепки разнесло. Он скрипнул зубами и отвернулся.

Женщины сидели молча, по их лицам катились слёзы, они не вытирали их. То были слёзы горя и счастья, счастья от того, что хоть дети уцелели в этом страшном аду, который кто-то давным-давно назвал войной.

Лидия ВОЛЫНЕЦ родилась в г. Усолье-Сибирское. Окончила филологический факультет ИГУ. Работала медсестрой в кадетском корпусе, руководителем клуба по интересам в клубе «Ковчег». Автор поэтического сборника «Театр теней» (2014). Публиковалась в коллективных сборниках, в городских и областных газетах, журналах: «Первоцвет», «Сибирь», «Берегиня – журнал для вас». Составила и выпустила городской поэтический сборник «Как прекрасна ты, сибирская земля» (2012), сборник «Антология усольской поэзии» (2015).

Ловушка формы

Ты пойдё, поищи, форму имени,
Имя с формой поменяются...
А поймать, потом сохранить её
Нереально: она полиняет вся.

Полиняет вся, имя выцветет
Меж затёртых газетных буковок.
Текст кириллицы вольно вылетит:
Смысл – бабочка, слово – куколка.

Манко манят медяшки имени
Вебинарами иностранными...
На слова Альбиона туманного
Человече язык свой выменял.

Баркас

Не выставляя чувства напоказ,
Под музыку мелодии старинной
Несётся древний маленький баркас.
У берега обрыв зияет глиной.
В волнах сиянье, полная луна
Струится рябью в водах затаённо.
Спешит баркас. Подлунная страна
Своих гонцов отправила влюблённых
Повсюду. И гармония звучит,
Чтобы царила истина из века.
Луч чистоты, сияющий в ночи,
В юдоли не оставит человека.

Закружились в полёте и стихи
Все стихи над поляною снов...
А поля под звездой Полюнь
Тополя защищают стеной.
Не питает нектаром из мыслей
Больше манна древесные корни.
Упираясь в небесную синь,
Древо лето навечно запомнит.

Тянет ветви ладошками листьев,
Насыщаясь лучами сполна,
Вечеру показалась луна,
И полночные тени зависли.
А до осени так далеко...
И, казалось бы, вот он покой.
В предрассветной тиши грозовой
Напряжением воздух насыщен.

Авось

Страшила держит небо
В берёзовых руках.
Хранит посевы хлеба
Гроза окрестных птах.

Не сонная обитель –
Бескрайние поля.
Страшила – ты спаситель,
А мы – твои друзья.

Свинцом налились тучи,
Страшила наш не рад.
Накроет неминуче!
Попортит форму град!

Ты не горюй, Страшила,
Удержим мы авось
Нависшую над миром
Грехов тугую гроздь.

Крестики-нолики

Я не играю в нолики-крестики,
Но наблюдаю со стороны.
Это цветочки. Да кто же их пестует?
Ягодки после будут видны!

Я не играю в крестики-нолики!
Вот Чингизиды выходят на круг,
Что Чингисхану не спится-то во поле?
Богом отверженный... Кто ему друг?

Я не играю в крестики-нолики,
Игры подобные обречены.
Вы бы к себе возвращались, соколики!
Лапы когтистые прочь от страны!

Небом зашторено вечное око,
Гулко завывали шакалы окрест.
В сини растаяло белое облако,
Будет им скоро и нолик, и крест.

Жив ли текст?

Все кролики умерли.
Жив ли текст?
Ваяешь ли в сумерках
Дутый фейк?
Напрасно! На севере
Нет Алис.
Да корни у дерева
Переплелись:
Уже не провалишься
В норку снов.
Пускай и расплавишь ты
Тонну слов...
Сверкнуть ли до ужина
Огоньком
В экранах зафлуженных...
Что потом?
Все кадры на камеру
На показ;
Пройдись поди сканером
В сотый раз...
Всё грезится автору:
Жив ли он?
Живее, чем Снеферу –
Фараон.

Все кролики умерли:
Вмёрзли в лёд...
В избушке старушка
Прядёт, прядёт...
На кухне кукушка
Поёт зачин...
Старушка в избушке
Молчит, молчит.

Путник

Выцвел синий шёлк улыбок.
Бездной глаз истёртый в темень
Нитью путь, тягуч и зыбок,
За секунду до мгновенья
Оставляя все сомненья
Незаезженным маршрутом
Засветился в междутемье.
Вышел путник.

Кружит, жито ищет стая,
Крошки вечности хватая,
Беспрестанно прирастая
В воскресенье.

Путник, горсть земли бросая,
Семя уберёт от стаи.
Вышел в люди и истаял
В день осенний.

Торжественность в реальности момента

Торжественность в реальности момента...
До блеска ль мотыльку в сиреновой ночи?
Присядет на зернистость постамента,
В лучах заката камень кровь сочит.

Как много тех, кто воевал когда-то,
Как мало тех, кто вышел из войны.
Нам не забыть, как брат пошёл на брата,
Как не забыть израненной страны.

Героев нет, их не вернуть обратно...
В атаке ввысь летели, за предел.
Священен труд и подвиг этот ратный,
Победа – это избранных удел.

Лия Болдырева: «... ОТКРЫТЫЕ ОКНА КЛАССА...»

(продолжение, начало в №31)

Всего десять стихотворений о школе и своих учениках - маленькая школьная поэма, где из бытовых мелочей складывается полотно школьного бытия, где из единичных картинок составляем общую картину школьной жизни и находим философское осмысление.

Десять шагов – от первого волнительного шага на свой первый урок «не ученицей - учителем» до выпускного вечера в нашем классе. А класс был экспериментальным. Кроме того, что мы учились не 10, а 11 лет, потому что два дня в неделю работали на заводе, у нас ещё отсутствовал классный руководитель: всю его работу у нас исполняли староста и комсорг, так как мы находились на самоуправлении. Лия же стала нашей неофициальной «классной» – не потому, что ей это вменили в обязанность, а потому что нашла творческих единомышленников в наших душах и на этой почве более, чем с другими классами, общалась с нами неформально: ездила в походы, возила в иркутские театры, ходила на каток, создала радио-литературный кружок, учила писать стихи, репортажи, сценарии для школьных вечеров, брать интервью, водила в литобъединение – и много-много еще того, что не требовалось от учителя литературы. Будучи студенткой, она мечтала, как «уедем в края мы с тобой далекие, чтоб ребятишек жизни учить». И вот он - первый рабочий день:

*Старательно новый костюм отглажен,
Значок до блеска начищен.
Девчонка выглядеть хочет важной,
Держится строго и чинно.
Идет на свой самый первый урок...*

Да, у Лии всегда на пиджаке или строгом сарафане был университетский значок; и многие другие, имеющие высшее образование, с гордостью носили этот знак отличия – после войны мало было людей, окончивших институт. Школа наша была двухэтажной, классы располагались наверху, там и висел громкоголосый электрический звонок.

*Насмешливо дразнится сверху звонок,
Хихикает многозначительно.
Проказник даже язык показал –
Вот до чего распоясался!
Длинным-длинным кажется зал
И весь этот путь до класса.*

«Путь до класса» обретает иносказательный смысл: учительский путь вообще, учительская стезя, путь к сердцу каждого ученика - и не только в школе.

Будучи талантливым учителем, Лия часто проводила необычные, непривычные для нас уроки, а сочинения мы писали чуть ли не каждую неделю: то сказку о сосновой ветке сочиняли, то отвечали на вопросы анкеты дочерей Карла Маркса, то слушали музыку и описывали свои впечатления от нее. Один из таких уроков нашел отражение и в ее стихотворении:

*В открытые окна класса
Чайковский ворвался властно,
По партам прошелся в вальсе,
Задумчиво встал у доски...*

«Задумчиво у доски» - казалось бы, обычная в классе ситуация, но не для музыки, которая властвует над природой и людьми. А картинка прерывается рассказом о представлениях человека под воздействием музыки и влиянии ее на души людские:

*И зазвенел ручьями,
И зашумел дождями,
И забросал цветами,
Заполнил все уголки,
Защебетал синицей,
Разгладил усталые лица,
Искры зажег в глазах...*

- настолько властно воздействие музыки, так резко она берет в оборот и душу, и тело человека, что:

*И отодвинулись стены...
Казалось, по всей вселенной
Протанцевала весенняя,
Всегда молодая гроза.*

Отвлекаясь от темы - описания влияния музыки, автор переходит к философскому обобщению: перенос частного случая во вселенную, идея очищения, катарсиса под влиянием искусства не только для человека, но и для всей вселенной, ибо гроза – это тоже всегда очищение, наполнение озоном, а весна – олицетворение молодости.

Продолжение темы весны и космичности находим в стихотворении о подснежниках – первых весенних цветах:

Юные, лукавые, глазастые,
 Как девчонки, скромные и нежные,
 Улыбнулись мне нежданно ласково
 Милые невинные подснежники.
 На учительском столе подснежники.
 Тронутые инеем подснежники.
 Как дыхание весны, подснежники,
 Как улыбка юности, подснежники.
 Смотрят на меня глазами синими...

Повторение одного красивого цветочного слова (эпифора) акцентирует интерес читателя, просит уделить больше внимания этому весеннему чуду. Одно слово, а сколько смысловых образов! Цветы

И зовут настойчиво и властно,
 На простор, где, расправляя ласты,
 Мчатся реки, буйные, всесильные,
 Где шальной малиновый восход
 Пляшет в говорливых ручейках,
 Где девичий звездный хоровод
 Слушает сонеты ветерка,
 Где резвится май весной безбрежною. –
 Целый мир мне принесли в подснежниках.

Не только музыка может властвовать, но и обыкновенные (или необыкновенные?) цветы неодолимо зовут учителя, а она - своих учеников в иной, большой мир, за рамки школьной обыденности. Каждая строка стихотворения наполнена необычными образами и предлагает читателю мысленно уноситься далеко на просторы планеты. Природа действует органично с человеком. А учитель - поэт исполняет свою пророческую миссию - учит искусству видеть мир, предвещает картины безбрежной природы. И одна итоговая строка – обобщение, квинтэссенция всего разговора: единство единичного и мирового; сочетание временного с вечным...

Стихотворение об ученике. Не стихотворение, а короткий рассказ со своей сюжетной линией, темой, идеей и нравственной сентенцией.

Он раньше всех меня навестил,
 Когда я больная лежала,
 А в школе он хулиганом слыл
 И часто всех обижал он,
 Девчонок не раз доводил до слез,
 Учителей обманывал.
 И вдруг он сегодня конфеты принес,
 Неловко достал из кармана,
 Лампу настольную мне починил,
 Действуя ловко, умело,
 Глаза сверкали, когда говорил,
 Что любит радиодело.
 И было до боли приятно смотреть,
 Как жадно он рылся в книжках.
 Пожалуй, согласна еще болеть,
 Чтоб лучше узнать мальчишку.

Слыть и быть... Не только слыл хулиганом, но и реально был «плохиш» – и обижал, и обманывал. Но если первым пришел навестить учителя и даже конфеты принес, и лампу ловко починил, и жаден к книжкам – значит, парень с руками и головой. Учитель увидел образ души, не только внешние явления. И конечно, преподавателю приятно смотреть, потому как в этом есть и его заслуга. Парадоксальна концовка стихотворения: «согласна еще болеть», и лишь вскользь о главном: чтобы получше узнать – это не только долг, обязанность педагога, это и простое человеческое желание, чтобы не слыл парень, а был... И был на-

стоящим, ответственным, способным взять на свои плечи любую работу, заботу и защиту...

Потому что после школы «Мальчишки уходят в армию, Расправив острые плечи». Наши мальчишки служили три года. И принимали на себя взрослую ответственность, а юношеская угловатость и «острые плечи» уходили сами собой.

Чтоб дети играли беспечно,
 Рождались поэмы и арии,
 Мальчишки уходят в армию.
 Простившись со сказкой о небыли
 (Порою прямо из детства),
 Чтоб в мире войны больше не было.
 И юность росла бы дерзкой,
 В школах читались книжки, -
 В солдаты идут мальчишки.

Почему юность должна быть «дерзкой»? Вначале слово вызывает недоумение. Дерзость не самое лучшее качество. Возможно, дерзкой – значит смелой, не рабской, не боящейся?.. Наши мальчишки писали нам, а мы их поддерживали, как могли, рассказывали о нашей студенческой жизни, о школьных преподавателях и передавали бойцам приветы. Нашим мальчишкам достался Даманский. Некоторые остались военными до конца. Один из них потом вспоминал: «Пока они в институтах учились, я сапоги топтал». И «дотоптал» до 70 лет, занимаясь космической связью. Другой стал капитаном 1 ранга, командиром десантного корабля. А третий – военным инженером, полковником ВВС.

На первый взгляд чужеродным выглядит сейчас окончание стихотворения:

А мы их Корчагиным меряем,
 Мы их проверяем Гайдаром.
 Мальчишки, мы очень вам верим
 И ждем вас, мальчишки, недаром.

Что знают теперешние мальчишки и девчонки о Корчагине и Гайдаре? И почему Лия применила слово «недаром»? Кажется, что оно здесь просто для рифмы. «Недаром» - использовано в смысле «не зря», а это значит, что мы верим и надеемся на них, на наших воинов, и они оправдывают наше доверие, честно и мужественно берегут мир, поэтому и «не зря» доверяем и полагаемся. Нравственности завтрашнего дня учила Лия Алексеевна, отталкиваясь от вчерашнего: Корчагин и Гайдар – из советского прошлого, тоже мальчишки, которые ушли в армию и выполнили свой долг до конца. Гайдар в 16 лет уже командовал полком. Корчагин – символ стойкости и беззаветного служения Родине.

И совсем другое стихотворение о мальчишке, и тема иная. Однажды летом, вернувшись из похода, мы узнали, что в школе один парнишка совершил суицид. Тема из ряда вон! Лия Алексеевна имела возможность наблюдать за нашей реакцией и слышать наши разговоры. А уже через несколько дней мы читали ее стихотворение:

Боже мой, из жизни добровольно
 В девятнадцать незрелых лет!
 Были войны, может, грянут войны,
 А тебя уже на свете нет.
 Нет на свете. Также будут звезды
 Трепетно качаться по ночам.
 А тебе уж передумать поздно,
 Поздно даже просто закричать.
 Пожалеют, посудачат люди,
 Ну, поплачут горестно вослед,

Никогда мальчишка твой не будет,
Спотыкаясь, бегать по земле.
Эти мирно дремлющие сосны,
Этот смех расплёсканный ребят,
Эта радость, буйная, как солнце,
Будут без тебя, не для тебя.

Повторы слов усиливают смысл и воздействие их: нет на свете, поздно, без тебя – не для тебя. Это опорные, скелетные слова. Да, люди посудачат, и мир останется стоять; никому ничего не доказал своей гибелью, а все потерял лишь ты. Так в чем же смысл жизни и смерти – твоей и тех, иных мальчишек, которые сложили головы на Даманском, (Афганистана и Чечни тогда еще не было, но смысл жизни и окончания ее был всегда): для чего живем, есть ли у каждого предназначение или жизнь бессмысленна. Такой вот философский вопрос поставила перед нами, 15-летними ребяташками, наша учительница.

На другого испытаньем воли
Свалится беда. Он станет нем.
Но чтоб так – из жизни добровольно –
Нет!

Лия Алексеевна знала, что нам еще предстоит изучать посмертные строки С. Есенина «В этой жизни умереть не ново, но и жить, конечно, не новей» и ответ на них В. Маяковского: «В этой жизни умереть не трудно, сделать жизнь значительно трудней». И своим стихотворением она ставила нам верные жизненные ориентиры.

Сохранились у моих одноклассниц фотографии Лии Болдыревой, которые она подарила девочкам с напутственными словами:

Я хочу, чтоб ты определила
Верно, для чего ты рождена,
Если уж дружить – так чтоб дружила
И любила тоже бы сполна.
Не сгибаясь, шла своей дорогой,
Все, что знаешь, отдала другим,
Чтоб чужие беды и тревоги
Стали бы волнением твоим.

Такие вот нравственные принципы: и смысл жизни определить, и не дробить себя на части, а все делать сполна, и не склоняться перед трудностями, и быть альтруистом, а не эгоистом. Исходя из характеров и способностей девочек – разные напутствия. Второй однокласснице выпали такие строки:

Пусть тебе сопутствует счастье,
А оно на тропах тернистых,
Там, где бури и где ненастья,
Там, где люди с душою чистой.
Пусть кипит в твоих венах кровь!
Я хочу, чтоб боролась ты, верила,
Чтобы радость, дружбу, любовь
Ты большими весами мерила,
Чтоб всегда и всего было мало,
Чтоб всему отдавалась со страстью,
Чтоб покоя душа не знала,
Чтоб себя не делила на части!

Те же нравственные идеалы, но чувствуется, что адресат для этих строк – человек темпераментный, страстный. На нашем выпускном вечере Лия прочитала посвященное нам стихотворение:

И вот уже последний школьный вечер.
За окнами июнь бушует дерзко,
Цветы, оркестр, напутственные речи –
Вот так от нас уходит наше детство.

И мы грустим. Мы все грустим слегка
О том, что никогда не повторится:
О лепетанье школьного звонка
И о своей непойманной жар-птице,
О пионерских песнях у костра,
О комсомольских синих-синих зорях...
Довольно грусти! Будем до утра
Шутить и танцевать, мечтать и спорить.

А звонок-то уже не хихикает, не распоясался, не дразнится, как было раньше, теперь он для нас лепечет, словно детсадовский малыш. Школьные мечты не повторяются (непойманная жар-птица), как и пионерские песни. В СССР все дети бывали в пионерских лагерях; вместо выпускного вечера там жгли огромный прощальный костер и пели возле него песни долго-долго – в этот вечер разрешалось нарушить ночной распорядок лагеря. А в комсомольской жизни были свои костры и уже зори. И на выпускном вечере принято было до утра веселиться и идти встречать рассвет на реку, на мост – метафора предстоящего жизненного пути, той реки, которую дважды не войти, и тех жизненных мостов, которые предстоит в будущем построить. А спорами была пронизана вся наша школьная жизнь, не только на уроках, но и на всех тематических школьных вечерах (современных дискотек в то время еще не было, но почти еженедельно проводились тематические вечера, на которых рассматривались и политические теории, и интересные научные факты, и гипотезы, и литературные произведения – спорили много).

... Мальчишки! А какие вы большие!
Откуда в вас, мальчишки, эта стать?
Девчонки! Я и слов найти не в силах!
Где те, что робко жались у дверей?
Сидят царевны, строгие, красивые,
Смущаясь перед взрослостью своей.

Да, Лия заметила, что мальчишки повзрослели, расправили плечи, стали статными, готовыми взять на себя ответственность. А девчонки – не королевы и принцессы, а царевны – это по-русски. «Строгие» – нравственный принцип, который культивировался на Руси, и который Лия Алексеевна формировала у своих учениц.

Хочу, чтоб вы такими и остались,
Большими и красивыми прожили,
Сильнее бури были, тверже стали,
Богаче самой златоносной жилы.
Идите в жизнь дорогами ученых –
Уж властно новый день зовет с собой.
Счастливым путь, мальчишки и девчонки,
Моя учительская первая любовь!

Ну конечно, как же без напутствия своим ученикам: «Хочу...» Ох, как много хотела и желала нам наша любимая учительница! Это в четырех-то строчках! Но в том и хитрость поэзии: в немногих словах – о многом! И советовала идти в жизнь дорогами ученых, подчеркивая важность духовной культуры, научного знания. Науки начали бурно развиваться после восстановления разрушенного войной хозяйства. И учителя наши были уверены, что подготовили нас для научной работы, что мы талантливы и способны открывать и созидать «новый день». А самыми дорогими и откровенными для нас словами стала последняя строчка – признание в любви!

И, наконец, еще одно стихотворение из школьной тематики, посвященное нашей однокласснице Люсе Теринтой.

*Я казалась тебе неземной,
А сегодня ты мне сказала,
Что тебе хорошо со мной,
Даже лучше, когда узнала,
Что я такая ж, как все,
В большом и во всякой малости,
То же сердце бьется во мне,
Те же страсти и те же слабости.*

Да, Лия являлась нам неземной, мы боготворили ее, а она, оказывается, такая же, как все, и даже имеет слабости, что мы, конечно, оставили под знаком вопроса. Она хочет быть и оставаться земной: в любви, в страдании, в мечтах, в работе, в увлечениях – во всем. Быть земной, пусть обыденной, но наполненной высшим смыслом – быть самой-самой, не забывая обо всех:

*Да, земная. И, хочешь знать,
Я б другой не желала быть:
По-земному хочу мечтать,
По-земному страдать и любить;
Как и все, тосковать о тепле,
Жаждать ласки, грустить и скучать,
Когда писем подолгу нет,
Веселиться, работать, дерзать,
Как и люди все на земле;
Обижаться до боли, до слез,
Оскорбляться, когда оскорбят,*

*Погружаться в миры снов и грёз,
И в стремленьях не ведать преград;
Увлекаться и тем, и другим,
И в дела уходить с головой,
Самой нужной быть, самой любимой
Для желанного, одного.
Я хочу делать все со страстью,
Чтоб сопутствовал всюду успех,
Чтобы было земное счастье
У меня, у тебя и у всех. 30 ноября 1961 г.*

«Чтобы было земное счастье...» – ориентация для нас, учеников. Нужно иметь высокую духовную ответственность, чтобы поучать, высокие морально-этические ценности. Идеал в поэзии Лии Болдыревой летит над бытом на крыльях нравственности. Учитель и поэт, она в ответе за учеников, которые ее читают и почитают. А нравственный авторитет ее был для нас неоспорим.

Такая вот она, наша Школьная страна, в стихах учителя литературы!

■ Т. ТИЙТТАНЕН

**Приобрести поэтический сборник
Л. Болдыревой «Мой путь по радуге»
можно в книжных магазинах г. Ангарска.**

Мозг у нас животный, то есть «грешный». **Но нам, в отличие от животного, дан разум. В этом разуме – свобода человека.** Человек – самое независимое животное, так как может быть свободен от страстей, от пороков. Он – единственный из животных может управлять своей жизнью. Господь создал людей свободными. У нас есть воля, мы сами должны распоряжаться собой и своей судьбой. Мы не куклы, чтобы какое-нибудь чувство брало над нами верх и несло нас непонятно куда. Да, чувство – стихия. Да, это может быть красиво, как пожар, да, это природа. Вы любите стихи? Я тоже. Вам кажется, что в гневе или в ревности много поэзии? И мне кажется, весь современный театр на этом держится. А в ненависти сколько поэзии! Если ненависть – стихия, а чувствам надо отдаваться, по Вашей философии чувства («а я в воду войду!»), то пусть человек в ненависти убьет, покорный чувству, это же так красиво! Красиво Отелло задушил Дездемону. Это же любовь! А что, Вы не согласны? Какой порыв мавра! Какая поэзия! А я согласна. Но тогда все законы, построенные на разуме, надо отменить, поэзии в них нет, и пусть все, не стесняясь, отдаются своему чувству: плюют друг другу в лицо, насилюют, обнимают, тискают, зацеловывают, бьют от души, смеются в открытую друг над другом. А что, если действительно дать такую свободу выражения чувств, чтобы, не сдерживаясь, люди бы делали что хотели? Говорят, что любовь – прекрасное чувство, конечно, очень поэтическое,

Из писем автора пьесы «Охотники за счастьем» Е.А. Лангольф к А.Б. Пугачевой (продолжение, начало в №30)

О культуре любви

сколько стихов уже о ней написано! И значит, этому чувству нужно без остатка отдаваться? **А культура любви?**

Любовь людей от любви животных должна отличаться культурой поведения. Культура – это способность управлять собой, обуздывать страсти, культура – это способность быть взрослым, то есть по-детски не обижаться (у детей не закончилось еще формирование мозга, поэтому у них эмоции превосходят логику, нет опыта общения, нет еще взрослой способности к пониманию). То, что детям простительно, то взрослым – нет. Вспыльчивость и нежелание над собой работать – признак бескультурья взрослого человека, а не любви.

Муж и жена – это два независимых государства, каждое имеет свои интересы, и они должны уметь договариваться. Им нужно сесть за стол переговоров и обсудить проблему, спокойно донести до ума слушающего свой интерес, уметь выслушать другую сторону и найти общие точки соприкосновения, обязательно сообщив о своем состоянии, настроении, о том, что подавляет, что нравится

или не нравится, почему надо так сделать, а не этак. И так уметь сказать, чтобы не рассердить друг друга еще больше, а понять. В фильме «Галла» режиссера Стефановича два взрослых человека не обладают культурой общения, а из-за них страдает ребенок. Да и сами страдают. И **в песне должна быть** не только любовь показана, а **культура любви**. Вы и много других певцов поете о бескультурной любви, какой-то детской, неуправляемой. Люди не умеют любить: они обижаются, ревнуют, ненавидят, мстят, кричат друг на друга. Это, может, равнодушие, но любви в этом нет. Вывод напрашивается один: учиться общаться, работать над собой, над своими недостатками, чтобы не портить жизнь в первую очередь себе. И за каждую новую возможность влюбиться не цепляться. Зачем каждый раз влюбляться? «Сорвалась я и лечу, так случилось, так хочу!». Способность не «срываться», когда уже муж есть – это тоже культура любви. Лев Толстой ведь не зря написал о губительности страсти. Ну что это такое? У нее семья, муж хороший, но ведь это любовь!? Во имя любви надо жить на всю катушку, страдать и му-

читься, как Анна Каренина! Вот чему это равносильно: чтобы ощутить радость полета, надо залезть на самую высокую многоэтажку и спрыгнуть. Такое отречение от себя, от судьбы, как у Анны Карениной – это **с самого начала** самоубийство! То, что она бросилась под поезд – это уже последний акт.

«Я пою, я лечу, я влюбляюсь, даже если предчувствую боль!». Всегда ли надо влюбляться, когда захотелось? Вот в чем вопрос! Бог сделал нас свободными, то есть ответственными за свои решения. Психологи говорят, и мы сами знаем, что все-таки выбираем, кого любить, и всегда либо даем, либо не даем себе разрешение влюбиться. Нельзя так высоко превозносить чувство, поклоняться ему, делать кумиром, ставить его вместо Бога, молиться на него. Все чувства прекрасны, все – природа, все – стихия, и все из них могут быть поэзией, но голова находится выше уровня сердца, и она должна управлять чувствами, а не они ею.

Конечно, природа заслуживает уважения. Но я как философ требую от всякой любви добра, и не чувства, а действия. Потому что нет никакого мужества в том, чтобы болеть. А вот управлять собой в этом состоянии – еще какое мужество! Эту энергию (любовь) надо направлять на созидание, а не транжирить, не расплескивать на обиду, мщение, ревность. И это не значит, что Вы будете действовать как мертвое, рациональное существо, это значит, что Вы будете поступать как человек, а не как неразумное животное.

Абстрактно считается, что любовь – это добро, а ненависть – зло, но жизнь все перемешивает. Уже не различишь, что есть что. Если не проявляешь ревности, не обижаешься, считаешь, что ты не любишь, равнодушен. Верят, что Отелло любил Дездемону. И Вы тоже верите? Но неужели кто-то хочет, чтобы его так любили, как Отелло? Лично мне страшно как-то. «Но, смотри, измену увижу я, – золотым руном не расплатишься, бестия моя, знойно-рыжая». Почему бы женщине не заступиться за себя и не ответить на песню: «Ты извини, но я за тебя замуж не пойду, мало ли в чем ты эту измену увидишь, а ведь уже хочешь увидеть».

Не надо любить человека, который доставляет Вам боль, не надо ее терпеть, не надо быть рабой, надо иметь человеческое достоинство. Пусть он хоть как уверяет, что он Вас любит, но

при этом унижает, жалит сарказмом, больно подсмеивается или подшучивает, да еще и в присутствии других, и получает от этого наслаждение, сияет от своих словесных уколов, от такого человека надо уходить. Жалко, что государство не вмешивается в семейные дела, это, мол, семейное. **Семья – это государственное дело, в ней человека одними словами можно по стенке размазать, лишить достоинства, уважения, унижить, и за это – безнаказанность, защита общественным мнением.** Человек в семье не защищен, не все владеют психологическим оружием, этому в школе не учат. Это никакие не шуточки. Это чревато и болезнями – повышением или понижением давления, болезнями иммунной системы – ОРЗ и раком. На нервной почве может и сахарный диабет появиться, и псориаз. А если у человека есть сердечные болезни, а его ежедневно «ласково» покусывают, то через некоторое время человека можно хоронить. В конце концов, ежедневные покусывания вызывают озлобление. И если жена, введенная мужем, когда-нибудь режет его ножом, то было бы правильно, если бы ей преступление не засчитывалось.

Психологический садизм может достигать большого уровня изощренности. Так просто на него не пожалуешься и не перескажешь, чтобы тебя поняли, это под силу только писателю. Но доказать его все-таки можно. Есть диктофоны, есть фотоаппарат, есть микрокинокамеры. В разборе уголовных дел должны участвовать психологи. Можно будет видеть мимику говорящего, слышать его интонацию, потому что оскорблять можно

не только «шуточками», но интонацией, криком, мимикой, жестами, ухмылками, взглядом наглым или презрительным, похабной улыбкой. И когда все это в совокупности, то можно представить, какое впечатление это производит на воспринимающего все эти вербальные и невербальные сигналы. Психика больше всего реагирует на невербальное общение. Из слов мы берем только тридцать процентов информации. Значит, воздействие оказывают больше не слова. Нанести удар Пугачева может, если определенным образом оденется, пройдет по сцене, определенным манером повернет голову и просто посмотрит. А ведь есть еще и жесты, и позы, и интонация, и даже тембр голоса, хрипотца или еще что-то. Одной хрипотцой можно довести до сумасшествия. А если еще это делать с «юмором», как бы беззлобно, но холодно посмеиваясь? Достоевский писал про смех, который может быть оружием. И вот этим всем арсеналом, со смехом, можно уничтожить человека, подавить, внушить чувство слабости, незащитности, неуверенности, неполноценности, унижить, оскорбить, растоптать, поломать крылья, задержать полет, испортить вдохновение, ввести в ярость.

Убить творческого человека, убить духовно, убить ему вдохновение, веру в себя – это что, не преступление? Есть люди, которые в силу своих разнородных талантов могут быть изощренными психологическими садистами и заниматься манипулированием только из удовольствия, из способности. Вот есть способность писать, и человек пишет. Есть способность быть психологом-манипу-

лятором, и человек не может не позабавиться очередной жертвой своих психологических шуток. Самое интересное, что садизм часто называют любовью: «Это же игра, я же тебя люблю! Это же шутка!». Сам Игорь Вагин пишет, что без всяких оскорблений и «не повышая голоса, можно человека так по стенке размазать, что родная мама не узнает». И учит тому, как это делать. Называется книга «Делай так, как я хочу! Тренинг психоподавления» (серия «Сам себе психолог»). Можно на низкий стул посадить, посадить спиной к двери, создать другую неудобную позу, не ответить на рукопожатие и многое другое. И самые изощренные манипуляции, как ни странно, в любви. Я обращаюсь ко всем: не забывайте люди, что вы – люди!

У меня открытое, искреннее чувство-интеллект к любимой певице, чувство-понимание, сочувствие, которому не надо никакого кокетства и никакого притворства. У меня интуитивное погружение в Вас вместе с анализом жизни – всей, вхождение через песни, интервью в Ваш внутренний мир, – это мостик к пониманию, к любви наивысшей, духовной, любви человеческой, сочувствующей, это способ познать Вас и себя через Вас, познать мир. **В этом нет никакой похоти**, и пошлости тоже нет. **Нет ни флирта, ни чувственности.** Неужели непонятно, что люблю чисто, как дитя? И **люблю** не столько Вас, сколько **Россию**? Ведь Вами славилась наша страна, Вы были гордостью каждого, кто в ней жил, пока не стали петь «В огороде растёт хрен и морковка» и нечто другое в этом роде. Очень больно было смотреть на Ваше падение, как и на деградацию всей страны. При этом уверяете, что с «нравственностью у Вас еще ничего». Кто-то же должен заставить Вас одуматься? Если и не будете петь, то у Вас есть школа, так учите детей не «прогибаться» при сложных жизненных обстоятельствах, ценить по-

эзию, ценить музыку, ценить друзей, любить свое дело, уважать зрителя, а не петь ему безграмотное «ты там, а я там». Вот этой болью отличается моя любовь от похоти, от влечения, влюбленности и другого эгоизма. У нее другая физиология, другие химические реакции происходят в мозге, нежели при эгоистичной влюбленности.

Моя философия состоит не только из анализа, но и из сочувствия, с ним философия и познание глубже. Я пишу о любви, которая является методом познания (вторым после логики, если не первым). Не все можно познать посредством логики, а многое – себя, мир, людей можно познать, если любить себя, мир и людей.

Теперь цитирую словарь. «В теории познания Любовь – предпосылка и начало процесса познания. Августин говорит: «мы познаем в той мере, в какой любим»; аналогичное утверждают Гёте, Леонардо да Винчи, Джордано Бруно. У Паскаля любовь («сердце») прокладывает разуму дорогу к вещам и людям. И еще раз процитирую мое любимое изречение Макса Шелера: *«порядок любви» – такой порядок, согласно которому человек уважает этические ценности и соотносит с ними свое поведение, является самой значительной индивидуальной чертой его личности.* С точки зрения Сартра, любовь по своему существу есть план, как заставить себя полюбить. Идеал, цель и ценность любви состоит в том, чтобы влиять на свободу другого, но вместе с тем оставлять ее невредимой: она должна сама побудить себя к тому, чтобы стать любовью. «Желать стать любимым – значит желать принудить другого все вновь и вновь создавать меня как **условие своей свободы**». (Философский энциклопедический словарь, 1997 г.)

Вот так вот это сложно. В любви надо соблюдать этические правила, потому что это «является самой зна-

чительной индивидуальной чертой личности».

Любовь в разное время разная. При социализме любовь была альтруизмом, а при капитализме стала продажей и шоу. Рыночные отношения перешли в семью. Манипуляций с психикой типа наглого напора, хамства, включенных в арсенал психоподавления, прибавилось не только в бизнесе, но и в межличностных отношениях, в любви. Эгоизма и потребительства тоже. И мне, конечно, хочется найти другое слово. Сегодня, когда я говорю «люблю», то мою любовь понимают совсем не как духовную или писательскую. По моему мнению, сейчас происходит деромантизация любви. И все современные песни это доказывают («попробуй, м-ма, м-ма, попробуй, чага-чага, попробуй, м-м, мне это надо-надо»). Если раньше время было романтическим, то и в слове «любовь» присутствовал налет романтики. Когда время стало прагматичным и циничным, то и любовь стала такой же.

У Вас раньше было много песен на разные темы, много философских. А потом Вы взялись петь почему-то только о любви. Нет, понятно почему. Социалистическая идеология ушла, было: «Забота у нас простая, забота наша такая: жила бы страна родная, и нету других забот», так вот, забота ушла, и осталась озабоченность, одна тема в песнях – любовь чувственная, примитивная, а в жизни одна свобода – заниматься сексом как угодно: однополым, групповым; жить гражданским браком, то есть была забота о стране, а стала – сексуальная озабоченность. Это новая идея? Плюс вынужденная свобода заниматься бизнесом и торговлей. И самое главное – отстранение человека от политики – только любовь или бизнес, только «личная» жизнь, идеал клушки – в лучшем случае, забота о хлебе насущном, но главное – любовь, конечно, как будто бы она еще есть.

Понятие «любовь», говорите, изменилось? Очень изменилось. Как я написала в стихах: «Все суррогат. И что теперь любовь? Россия нынче стала без стыда. Тут рифма не подходит «вновь», – такого не было, как нынче, никогда. О чем писать? Про суррогат любви? Как заменили смысл ее на гадости? Ту высоту, у русских что в крови, – на получение бескрылой жалкой сладости? Не я бездушна, то не мой цинизм. Внимите в этом лишь капитализм».

Анисим ВСТАВСКИЙ, п. Маркова

Детство моё. Безотцовщина

Обычно о детстве говорят: оно весёлое, беззаботное, босоногое. А у меня оно было печальное, серьёзное. Мама мне рассказывала: «Все дети как дети, а ты-то особый, крикливый, капризный. Не взял грудь, что только не делали, не взял и всё – баста. Сперва родился мальчишка, назвали его Григорий – первенец, слабенький. А в то время слово «медицина» не знали. Бабки-знахарки. Не дожил до года – умер. Отец сердился на нас, на баб: неумехи. Родился ты – он обрадовался, был доволен. Грозился: «Если что с этим, я с вас три шкуры сдеру!». Тогда бабки-знахарки придумали мыть дитя в коровьем молоке, своего добавляла, в тепленьком мыли. Все равно в нутро попадет. Ты был чистенький, крепенький, быстро на ноги поднялся». После в семье решался самый главный вопрос – об имени человека, продолжателя отцовской фамилии. Не было единства – большинство склонялось назвать Мишкой. Значит, я был бы Михаил Михайлович. Но тут собралась вся семья, родня и самая настойчивая, настырная оказалась средняя сестра отца – Настасья, напирала: нужно назвать его Анисимом. Никому не давала рот разинуть; отступились, сдались – назвали меня Анисимом Михайловичем. Имя всю жизнь мне не нравилось, но ничего не попишешь. Прожил я с этим нелюбимым именем. Предлагали мне его сменить. Да вы что, родители назвали! Все же за ними было последнее слово.

А потом, когда подрос, стал на ноги, глаза да глазоньки за ребенком нужны. Было у нас много кур. Петух здоровый, красивый и горластый, ревниво охранял своих кур. Летом, в одной холщевой рубашонке, я хватал прут, разгонял кур. Петуху это не понравилось, он налетел на меня сзади, хлестал крыльями. Я поднял крик, слезы. Отец вылетел, схватил топор, поймал петуха, подскочил к чурке, и тут грудью встала младшая сестра отца – тётя Тося: «Руби меня. Оставь петуха – гордость семьи». Отец зло отбросил топор, бросил петуха в соседский двор. «Не будете смотреть за ребенком, отрублю голову петуху, Тоська. Вы что, поослепли все, смотрите мне», – угрозил он. И так каждый день новые события...

С вечера собрались наши на дальний покос на неделю. Тетю Тосю оставили домовничать. Навозили много березовых веток для поделки веников, чтобы зимой в баньке попариться. Меня спросили: «Ты, Анисим, на мосток отправился помыться? Ты смотри, в воронку не залезь». Подхожу, на мостке сидит Федька Игнатов, булькает ногами, он старше меня года на два, хорошо плавает. Я к нему: «Федька, научи меня плавать». – «Надоел ты мне». Покуражился, но взялся обучить. Он меня держит за живот и командует. Вот до сих пор не знаю: возможно, он меня ударил и бросил в бурлящую воронку или я сам заплыл, расхрабрился. Меня таскает в воде. Как сквозь сон слышу какой-то крик, много крика на берегу. Открою глаза: вода зеленая, рубашонка на мне вздувается. Кто-то из толпы крикнул тете Тосе: «Анис тонет!» Она не умела плавать. Видать, меня притащило к мосту. Она в чем была прыгнула с моста, схватила меня за рубашон-

ку, сама стала тонуть. Какой-то мужчина вырвал жердь с огородного забора, бросился в воду, подал тете, она схватилась, не отпуская меня. Он вытащил нас на берег. Меня откачали, хлынула вода, разрывая горло, рот. Дня три лежал пластом, потом захотел поесть, ожил, оправился. Наши приехали с покоса, я был, как огурчик. Отец поругался на мою спасительницу, успокоился. Грозился моему учителю Федьке-татарёнку уши надрать. Так, наверное, и не надрал.

...Федор Шевашкевич ещё в армии себя настроил на то, что он обязательно будет ходить в начальниках. Дружка своего, Степку Игнатова, ненавидел: «Башку бы ему отвинтить». Выплатили богатенькие сельхозналог, он Степку турнул, оттолкнул от себя. А дружок добился, чтобы им ещё подбросили дообложение. Федька думал: «Нужно гнать его в нищету, травить, как собаку на кроликов, пусть его все ненавидят. А то в армию уйдет героем, а вернется, будет понукать нас». В деревне неудовольствие – мужиков по третьему кругу сельхозналогом ударили. И всё это Стёпка Игнатов. Даже Шевашкевичи смеются: «Вот даёт Степан, молодец». Народ ударился в пьянку, третий день идет непробудная попойка. Люди никому не подчиняются. Будь что будет, даже себе не подчиняются. Трое – Шевашкевичи и Игнатов – потеряли всякую совесть, залазят в любую компанию за стол, заводят драки, прутся в другие дома – и так каждый день. Кому это понравится? Взяли верх, но не тут-то было: на них долго копилась злость, и все – лопнуло терпение, уже два раза их вытаскивали с крыльца. Степка кричал на Михайло Вставского: «Мишка, отдай за меня сеструху

Тоську, родней будем, в деревне мир-покой». – «Да какая она невеста, у неё молоко на губах не обсохло». – «А мне на что старуха-то?» – ржал опьяневший хулиган. Федька довольничал: «Молодец Стёпка. Ну и мерзавец он». В застолье взвинченный до предела Михайло встал и сказал: «Вы по-хорошему выйдете или опять вас выбрасывать с крыльца?» Степан довольно улыбался: «Вот что, Вставский, мы вас так зажем - не только Тоську отдадите, но своего жеребца Цыгана подбросите». Михайло твердо сказал: «Стёпка, да чтобы мы, Вставские, породнились? Пока мы живы, этого не будет». «Давайте разойдемся», - сказал кто-то. – Они нам не дадут покоя, что-то будет неладное». Все встали и вышли. Хулиганы отвалили, запёрлись к другим, добавили хорошо. Федьке дурь в голову ударила.

Учительница Клавдия Ивановна вслушалась: «Опять у Вставских в ограде какая-то ругань, драка что ли? Посмотрю-ка я, что там творится». Осторожно подкралась, всмотрелась. Прижали Михайло к изгороди, Стёпка бьёт Михайло, он отбивается, а Шевашкевичи придерживают его, подгоняют дружка. «Души его, бей насмерть. Будет знать, как брать верх. Мы тебе поможем». Появился посторонний, они ринулись к нему. Отошел на два шага и Стёпка, а Михайло нащупал под ногой какую-то небольшую палочку, ногами выдавил, быстро согнулся, взял её в руки, спрятал за себя. Женщина, поборов страхи, крикнула: «За что убиваете, звери? Федька с Игнашкой подошли. Федька зло: «Ты жить хочешь? Беги, дура, отсюда! Вкнешь, уьем, закопаем, ищи в поле ветер. Поняла?!» Она рванула, побежала, а ноги как чужие. Дома выпила ковш воды, отдышалась. Подумала, побежала обратно. Зашла с другой стороны, притаилась, стала наблюдать. Братья подошли, поговорили со Стёпкой. Игнашка сказал отцу: «Мишка, пожалей детей, твоя жизнь решается. Подари этому татарёнку сестру и Цыгана». – «Нет, дурачье. Будьте вы прокляты, собаки». Стёпка подошел, плюнул в лицо Михайло и хохотнул. И вдруг - удар. Степан ткнулся на колени. Ивашкевичи сперва не поняли, удивились, подошли поближе. Федька довольно ткнул Игнашку в бок: «Ну что, Михайло убил Стёпку». И отцу: «Дуй отсюда, гад, прощайся с родными». Стали подымать Степку, он застонал. «Так он живой. Игнашка, давай, брат, кончай, я держу, отверни ему голову, а то он оживет». Треснули в шее позвонки. – «Не дышит. Давай к дороге, бросим. Бежим, пока нет свидетелей». И помчались к лесу, к реке.

Учительница побежала к Ефиму Егоровичу. Застучала в окно так, что все в доме повскакивали. Председатель: «Что стряслось-то? Давай быстрее думать. Первое, нужно мужиков с ружьями, чтобы никого не подпускать к убитому. Послать нарочного в Ложниково к уполномоченному, пусть помогут. Он сообщит в район, они приедут, наведут быстро порядок». Приехали и навели. Сразу же убитого отправили в район. Со всех Игнатовых взяли подписку о недопущении убийства Вставских и Шевашкевичей. Кого нужно, отправили в районную милицию. Хотя бы косвенно причастных к этому делу Вставских и Шевашкевичей попросили сидеть дома, не вызывать злость у людей. День и ночь у нас были закрыты ставни, сидели на крючках. На ночь мама, тетя Тося и дядя Тима готовились к защите, заносили топоры, вилы. Готовили воду: если подожгут - облить себя и выскочить. У отца моего, Михайло Вставского, сразу же улетучился весь хмель. Он ползал в амбаре и сквозь слезы причитал: «Милые мои деточки, что с вами будет?» Утром пришли сотрудники милиции, вывели его, избитого, в изорванной в клочья холщовой рубашке, и отправили в район. Вокруг милицейского начальства собралось много народа. Подошла Клавдия Ивановна с бумагой в руке и сходу спросила: «Кто самый главный из вас?» – «Представьтесь: кто вы и что хотите?» – «Я учительница, Клавдия Ивановна. Знаю и видела здесь все пьянки, драки, убийство, знаю, кто прав, кто виноват. Вот написала. Когда будет суд, прошусь в свидетели». Сотрудник молча прочитал и с вызовом сказал: «Даже я, дорогая Клавдия Ивановна, не решаю этот вопрос. Но ваша бумага нам поможет. Решать будет районное политическое руководство. Прошу вас вести себя поосторожнее – обстановка. Кого защищаете? Вы все же учитель». – «Но я хочу правды и справедливости». – «А правда, она у каждого своя».

Мама моталась, жила между деревней и тюрьмой. До сих пор восхищаюсь, как она выдержала, держалась на ногах. Совсем безграмотная женщина, а такое упорство. Видать, в тюремном начальстве тоже были добрые люди. И, возможно, старательные исполнители подсказали отцу, что можно через решетку издали увидеть старшего сына. Мама показывает головой: вон крайняя камера, блестящая решетка. Мы стоим напротив, через дорогу. Из крайней камеры несутся с надрывом песни. Я с тех пор больше не слышал таких песен, какие бы знаменитости ни исполняли. Люди пели перед своей гибелью, уходили минуты их жизни. Неслись обрывки песни: «Днем и ночью часовые стерегут мое окно, но как хотите стерегите, убегу я все равно». Я стоял, мертвел. Рухнет сейчас камера от напора песни, и вывалится на землю зэки. Песня враз смолкла, я отхожу в сторону, меня встряхивает, мама меня успокаивает: «Ничего, сынок, зато отца увидим». И вот в решетку взгромоздился отец. В той же рваной рубашке, только теперь грязной. Небритый, уже с белёсой щетиной, не подстрижен, всклоочена, засеребрилась голова. Впалые щеки, вроде бы весёлые глаза и вдруг такой ухающий голос на волю: «Аполинарья, выведи его немного правее, на солнышко, я на него посмотрю». Я во все глаза смотрю на отца и вдруг я его теряю, вроде бы со зрением что-то. Не выдержала детская психика, жутко стало. Я ринулся куда-то. Мама: «Сынок, ты что? Куда ты?» Слышу ещё голос отца: «Сыно-о-ок». Пришел в себя: «Куда бегу-то? Нет правильно, по улице Ленина, 123». Мама пришла, ничего мне не сказала. Попила молча чаю, успокоилась; засобирались домой на ночь. Утром приехали в свою деревню.

Вспоминаю те мрачные годы своего нищенства. И всегда помню о доброте двух женщин в деревне - это Та-

тьяна Степановна Носова и Матрена Егоровна Сухих. Вот плетусь мимо Носовых, а Татьяна Степановна почти каждый день стряпала. Окно всегда открыто, сочится приятный сладкий запах стряпни на всю улицу. Улыбается она в окно и певучим голосом: «Анисья, сыночек, ты что ж проходишь? А я сегодня опять стряпала. Настряпала пирожков да шанежек-творожанок. А пирожки-то пышные, с морковью, капустой, ты же их любишь». А я ей: «Мама послала к храпунам, они мед качали». Я потом узнал, разобрался, что это прозвище всех Ложниковых. Почему храпуны? Когда они сердились, всхрапывали, вот им и прилепили это прозвище. А Степан Ложников - отец Татьяны считался самым главным храпуном. Она заливалась, смеялась, недолюбливала отца за его жадность: скряга скрягой. А я-то не знал всего, пацанишко. Насмеялась досыта вся семья Носовых. Открыли шире окно, подталкивали: «Давай, Анис, дуй. Привет передай храпуну. Обрато заходи. Ждем, угостим». Я веселее зашагал, распрямился: может, повезет, так младших накормлю. У этого храпуна, Степана Ивановича, умерла жена, а у моей бабушки - муж, вот они и сошлись. Прихожу я к ним, сел у печки на приступочек, сижу. Они как вроде меня не замечают. Бабка ходит напряженная, боится его. Он сидит злой, молчит. Не выдержал, спросил: «Господи! Апполинарии сынок?» А я: «Мама послала, сказала, что мед качали; может, они добрые?» Треснул под ним стул: «Ишь, что придумали. Акулина, отрежь от булки кусок хлеба, пусть идет». А меня любопытство взяло: кто храпун-то? Взял и ляпнул невпопад: «А я привет принес храпуну. Не знаю, кому?» Степан отскочил и рывкнул: «А ну-ка, дуй отсюда и больше не приходи. Никакого хлеба. Ишь, чего захотели, мёда!». Зашел к Носовым. Алексей Носов улыбался и спрашивал меня: «Ну и как тебя храпунок встретил?» Я им рассказал. Они до слез смеялись. Татьяна Степановна напустилась на Носова. Они немножко поспорили, тут же помирились. Посоветовали: не ходи к ним. Сам Носов щедро меня накормил, и ещё «наворочали» младшим. Ребятишки в тот день сытые были.

А вторая добрая душа - Матрена Егоровна Сухих. Летом молока-то много. Его сдавали государству, нужно было отдать с каждой коровы по 350-400 литров молока в зависимости от жирности. Матрена как-то меня оставила и сказала: «Ты, сынок, не сердись на деда Ивана Лазаревича. Весь народ настроили против вас». А дед ей-то сказал: «Передай мальчонке, чтоб не ходил к нам, а сама давай что-нибудь им, поддерживай. Ребятишки-то при чем?». Вечером, когда бабы шли от молокоанки с обратом, я выскакивал с котелком. Матрена всегда из кармана вытаскивала сушки, пирожки, совала их мне и полный котелок наливала обрату. А некоторые ворчали, проходя мимо: «Еще этого не хватало, кормить их».

Как-то пошел я в центральную часть деревни «по большаку». А мне в затылок мои сверстники из всех щелей огады кричат: «Убийцы, нищенка, побирушки». Ноги подсекаются, не слушаются меня. Такой стыд и унижение! Поднялась бы буря, чтоб деревья ломались, грянул бы гром, засверкали бы молнии, раздвоилась земля! Упасть бы в этот разлом, завалило бы землей, умереть бы и не слышать эти душераздирающие крики! Но нет. В голове мамыны слова: «Сынок, а младшенькие умрут с голоду». Собираю все силы, настраиваю себя, плетусь дальше. Кто-то суёт хлеб со злостью. А кто-то гладит по голове: «Молодец! Значит, жить будете». И все из-за этих бандитов, Игнатова и Шевашкевичей.

...Партийное руководство района собралось, посоветовалось и решило, что перед судом лучше будет учительницу Клавдию Ивановну Брагину из Чеченево убрать. И вот приговорили Михайло и Федьку к расстрелу с конфискацией всего имущества. Я представил себе и увидел, как отец упал, весь в крови, взглянул мне в глаза, дернулся, попрощался и навсегда успокоился. Я завизжал, заплакал, задрогал ногами, стал хлестать кулаками по трубе печи. Разбил позвонки пальцев до крови; чем больнее мне, тем вроде бы легче на сердце. Мама кинулась ко мне, закричала и заплакала: «Сынок, не плачь, его сразу не расстреляют, он живой, он живой. Мы послали в Москву второе письмо. Мне сказали, что его помилуют, четверо детей. Сталин пожалеет вас, ребятишек».

Дома дел не стало: ни кола, ни двора, ветер кругом свищет. Жить как-то надо. Посоветовались меж собой и решили жить в городе, ходить по людям, себя кормить да, возможно, ребятишкам что-то посылать. Загородили место, где когда-то стояли амбары и завозни, а то как-то неудобно - чужая скотина лезет в ограду, заходят все, кому не лень. Иван Лазаревич собрался с продажей в Тару. Мама договорилась с ним, он дал коня. Запрягли в дроги, нарубили жердей, кольев. Тетя Тося и дядя Тима попросились с ним. Втроем веселее, хоть и идти рядом с телегой. Заехали, как всегда, к Дмитрию Андреяновичу, а он рад: «Поможете мне сено косить. Сам Бог вас послал». А потом наткнулись на добрых людей, которые слышали про чеченевские события, у них поработали. Они поняли нас, приняли за порядочных людей, обговорили обстановку. «А что вам маяться в этой Таре? Мы скоро едем на прииски в Иркутскую область золотишко добывать, можем вас с собой взять. В Иркутске у нас хорошие друзья. Мужики пробивные, надежные, с начальством связаны. Довезем вас, не бросим, погуляем там, устроим вас через них. А вы в Иркутске оглядитесь, может, потом на работу в общежитие устроитесь. Там идут разные стройки, работы навалом. Заработки тоже не такие, как в вашей Таре. Вы молодые, себе нужно дорогу пробивать. Можете из Иркутска своим родичам помогать, посылать денюжат». И Тося с Тимой согласились. Съездили в Ложниково, взяли свидетельства о рождении

и справки на каждого, что им разрешается выехать в город Иркутск на стройки. Мужики говорить умели, договорились с начальством, забрали с собой. Так они оказались в Иркутске.

Мама говорила: «Бьемся, как рыба об лёд. Да, похоже, не стало у нас той среды обитания. Как у той рыбы, которую рыбак выбросил с сачком на лёд. Уехали тетя Тося и дядя Тима. Не стало дела, работы, ни кола, ни двора. Кругом люди, но как бы их нет. Обстановка, да ещё какая... И вдруг, вроде бы спасательный круг - письмо от отца: заменили вышку на десять лет лагерей. «Я обдумал, обговорил кое с кем, - писал он маме. - И ты обдумай, посоветуйся со своими людьми. Живёте, наверное, не дай Бог. Основное, как спасти детей при такой жизни. У меня надежные люди, если решишься, приедешь, они тебя встретят. Пока поживешь у них. Найдешь работу, я буду знать: вы живые, где-то рядом. Встреча исключена в течение срока, но вы рядом. Для меня это очень важно». Мама, наверное, обговорила. Многие советовали: «Живи здесь, уедешь - последнее злыдни растащат. Он не вольный, сегодня здесь, а завтра там, будешь за ним с детьми таскаться что ли?»

...К лагерю меня привел какой-то важный мужчина. Мама шла молча, в стороне, как чужая; наверное, так нужно было. Мужчина дал знать, открылась калитка, подошел отец. Мужчина подтолкнул меня вперёд, отец чуть задержался, наверное, с мамой взглянули друг на друга, взял меня за руку, молча повел в свой барак. В бараке тепло и светло, двухъярусные нары. На нарах заключенные разных возрастов, молодые и старые. Постельное белье чистенькое, и, что меня поразило, кругом идеальная чистота, я такой идеальной чистоты больше не видел. Люди заподскакивали со своих мест, засмеялись, закричали, завосхищались. «Михайло Дмитрич, дай хоть на минуточку, ну, на секундочку прижаться, погладить твоего сыночка». Отец завозмущался: «Да вы что, мужики!» Но на него никто не обращал внимания. Кто-то снизу взял меня, не торопясь, как драгоценную ношу, подал в большие крепкие мужские руки. Мужчина-усач сиял, улыбка во весь рот. Дрожащим голосом: «Ребята, какое счастье к нам привалило!» Он давно не

видел своего мальчика. На него кричали: «Давай, не задерживай». Откуда-то у него оказалось в руках запашистое румяное яблоко. Он сунул мне: «Возьми, дорогой», - и передал меня другим. Кто-то плакал, а кто-то смеялся. Отец бегал, просил: «Да хватит, ребята!» Они покорно: «Да будь человеком, Михайло Дмитрич! Дай нарадоваться, не одному тебе. Раз в жизни бывает. Ну и парень будет, весь в тебя, Михайло». Отец таял, улыбался. Всё же взял у них меня и сказал: «Сейчас пойдем на работу». Зима, день короткий, солнце ткнулось вниз. Заборы высокие, наверное, восьмиметровые, на каждом углу лагеря часовой - стоит на возвышенности, одет тепло, зорко всматривается в свой сектор охраны. Холодно, постукивает валенками, перебрасывает винтовку с одного плеча на другое, покашливает. Где-то повизгивают собаки. Не убежишь. Мы идем с отцом вдвоем по лагерной территории. Подходим к большому деревянному дому, он достает ключ, заходим в теплую большую комнату, включает свет: «Ну вот, сынок, мы на моей работе». Все комнаты забиты с пола до потолка неподшитыми валенками. Он включает плитку, зашумел чайник. Подзаправились. «Смотри, учись, в жизни пригодится». Ловко «присобачивает» стельки. В драгву вдравлена щетина, шило мелькает. Я удивляюсь: ловко у него получается. И задремал, наверное, уснул. «Давай, поговорить нужно. Пошли отдыхать». Утром кто-то меня будит, отца нет. «Ты не беспокойся, - говорит какая-то женщина. - Пошли со мной, я тебя покормлю, помою, одену. Повезут тебя в детдом». Помыла хорошо, спина горит, одела в кальсончики, нижнюю рубашку, в брючки галифе, в военную гимнастерку с двумя кармашками, бурочки. Улыбается: «Ну, ты парень что надо». Натянули бушлатик, нахлобучили зимнюю шапку, завернули в шубу, усадили в санитразваленки. «Ну, давай, парень, всего тебе, удачи, езжай в Марининский детдом». Какой-то дяденька меня «притартал» к детдому. Там из окон кричали, смеялись, мычали по-коровьи, ржали, лаяли, свистели - беспризорное хулиганье. Наверно, было заведено так встречать нового детдомовца.

(Продолжение следует)

История Усолья - это характерный пример экономического развития Восточной Сибири (до 1912 года Усолье в официальных источниках именовалось не иначе, как Иркутский солеваренный завод).

Усолье В начале XX века

Только в 1883-м году по разрешению Совета главного управления Восточной Сибирью от 23 ноября за №9 было образовано Усольское сельское общество. В 1884-м году был составлен проект о предоставлении «всем вообще жителям Усолья состоящих в их пользовании заводских усадебных земель по выделе обществу из заводских дач 3500 десятин земельных угодий со включением пахотных земель, части лесной дачи и покосов на Спасском острове». С этого времени на почтовых отправлениях Усолье начинает называться селом.

Дело это оставлено было без движения до 1900 года и передано в Департамент государственного земельного имущества для поземельного устройства. Первого июня 1901 года состоялось особое совещание, которое пришло к заключению, что:

«а) население Усолья образовалось не на свободной земле, а на горнозаводском участке, имеющем прямое специальное назначение - прежде всего, удовлетворять потребности завода, поэтому сельскому обществу могут быть выделены лишь те земли, которые окажутся для завода излишними;

б) участок леса может быть выделен только при условии получения взамен равных участков;

в) Усолье само по себе представ-

• Панорама села

ляет промышленный пункт, а земледелие для жителей его является лишь подспорьем, и потому следовало бы в видах развития местной промышленности, образовать из Усолья не сельское общество, а посад».

Вновь этот вопрос поднимался 5 августа 1902 года в Иркутском губернском управлении. Новый усольский пристав настаивал на создании сельского общества. В

доказательство он приводил факты, что в Усолье домохозяев-крестьян не меньше, чем разночинцев; на сходе крестьяне и 118 разночинцев высказались против посада, и

• Верёвочный промысел

• Кожевенное производство

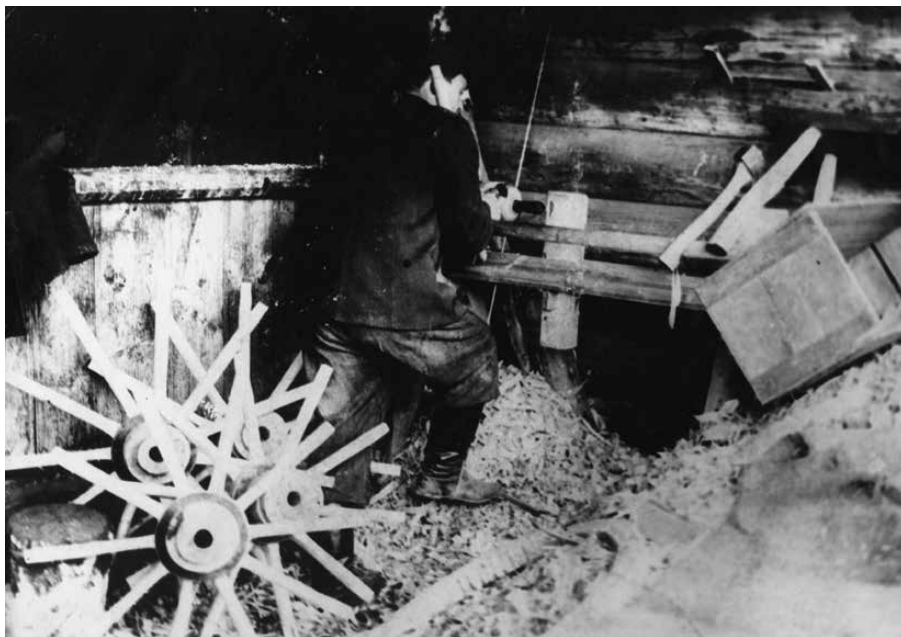
только 21 человек ходатайствовали за него: для многих разночинцев земледелие составляло главнейшее занятие и источник дохода.

Проведенная же в Усолье в 1902-м году перепись показала, что из 746 дворов - крестьянских 185, разночинских - 561, в числе последних: мешан - 62, солдат - 27, крестьян из других селений - 205, ссыльнопоселенцев - 244, каторжан - 7. По роду занятий перепись определила: хлебопашеством занимаются 22 дома, другим сельскохозяйственным производством - 94, промышленностью и торговлей - 317, работают на производстве 237 дворов, разночинцев - 70. На основании переписи был сделан вывод о том, что Усолье представляет вполне промышленный пункт и никогда не может быть сельскохозяйственным уже только по одному неимению достаточного количества пахотных и сенокосных земель.

8 июля 1912 года в Усолье было учреждено сельскохозяйственное общество из 45 членов под председательством священника Л.П. Старцева, а его «товарищем» (заместителем) стал врач П.П. Рубецкий. Под руководством священника члены общества засеяли хлебными злаками опытное поле. При этом они впервые использовали искусственные удобрения. Все работы на поле производились с использованием машин. Общество решило: «Выносить в гущу серой крестьянской массы основную идею общества - культурное значение машины» и личным участием своих членов содействовать развитию рационально поставленного хозяйства.

Кустарные промыслы Усолья

Ссыльнокаторжные, отбыв сроки каторги, переходили в разряд поселенцев. Многие из этих ссыльных, выходцы из центральных районов

• Колесный промысел

России, имели навыки по обработке различных видов сырья. Поэтому в Усолье начали открываться новые производства, и в первую очередь по обработке кожи.

В то время обрабатывающая промышленность Сибири находилась еще в зачаточном состоянии, и отдельные производства возникали только для удовлетворения местных потребностей. На развитии промышленности неблагоприятно сказывалось плохое состояние путей сообщения, отдаленность от крупных промышленных и торговых центров, что затрудняло доставку оборудования для местных предприятий.

Кожевенное производство было одним из ведущих в обрабатывающей промышленности. Этому способствовали значительная сырьевая база и рынки сбыта. Местное бурятское население, главным занятием которого было скотоводство, снабжало сырьем кожевников, а изделия кожевников находили широкий спрос

вплоть до Якутии на севере, Енисейска на западе, Амура на востоке и Монголии на юге.

Первое производство по выделке кож появилось в Усолье в 1828-м году при сользаводе. На новом предприятии, расположенном на улице Шелестеха (ныне Советская), были установлены два чана. Трое рабочих выделяли в год около 500 кож. В 1856-м году кожевню перевели в бывшие производственные здания чугунолитейных и механических мастерских, находившихся у пруда на речке Скипидарке.

В 1870-м году сользаводскую кожевню вместе с землей и прудом купил местный крестьянин И.Ф. Михайлов. Он расширил производство, нанял рабочих - теперь их насчитывалось восемь человек, - вдвое увеличил выпуск кожи.

В 1912-м году в Усолье образовалось «Усольско-Иркутское кожевенное товарищество» по закупке кожевенного сырья и сбыту готовых

• Дом ремесленника

• Дом Шабалина

изделий. Оно было учреждено П.Ф. Пономаревым и А.П. Медведевым и являлось самым крупным торгово-коммерческим предприятием в Иркутской губернии.

На улице Красноармейской сохранились два каменных здания, принадлежавших до революции П.Ф. Пономареву. Владелец этих домов был не только торговцем, он многое сделал для процветания Усолья. На его средства в 1897-м году на улице Фабричной (Орджоникидзе) была построена школа, которую местные жители именovali «пономаревской». В 1901-м году П. Пономарев построил здание добровольной пожарной дружины. Она располагалась в центре Усолья между базаром и центральной площадью. Приск Федорович был также инициатором организации первой в Усолье народной библиотеки.

Особенно быстро кожевенное производство стало развиваться после проведения Сибирской железной дороги, которая способствовала более дешевому и быстрому сбыту изделий из кож. В 1914-м году в Усолье насчитывалось свыше 30 дворов, занимающихся выделкой кож разных сортов. Преимущественно вырабатывались чирочная кожа, сыромять, реже юфть. Последняя употреблялась для изготовления сапог и выделялась только на двух усольских заводах, принадлежащих И. Михайлову и К. Бочкову. Сапоги для простого труженика считались предметом роскоши, их стоимость была высокой.

26 дворов занимались кожевенным промыслом более или менее постоянно, имели специальные помещения для обработки кож с зольными и дубильными чанами, поме-

• Усадьба Пономарева

щения для окончательной отделки кож и закройные мастерские.

Часть усольских кожевников работали непостоянно и весьма примитивным способом, обрабатывали кожи в простых кадушках и бочонках из-под керосина и не имели даже специального помещения для обработки.

Крупные кожевники Усолья пользовались исключительно наемным трудом. Рабочие обычно жили в своих домах и за работу получали по-денное вознаграждение. Рабочий день продолжался с 6 часов утра до 7 часов вечера. Заводы (производное от «завести» - устроить, оборудовать - так раньше назывались все

предприятия) находились в антисанитарном состоянии, кругом грязь, духота, зловоние. Однако хозяева считали зловонный воздух заводов полезным для здоровья или, как они говорили, «ядренным».

Для обработки кож требовалось значительное количество различных материалов: известь, ржаная мука, дуб, соль, деготь, анилин, жир. Лучшим дубом (дубильным веществом из коры) считался таловый, затем шел березовый и лиственничный, реже употреблялся еловый, осиновый и тополевый. Дуб привозили в Усолье из окрестных селений: Больше-Жилкино, Целот, Китоя, Савватеевки. Нерпичий жир покупали в Иркутске и на Байкале, известь завозили из села Узкий Луг.

С кожевенным промыслом тесно связано клееварение. Для выварки столярного клея использовалась мездра, один из главных отходов при обработке кожи.

Кожевенный промысел породил такие отрасли кустарной промышленности, как пимокатная, овчинно-шубная, войлочная, а также рукавичное, шорное и особенно чирочное производства. Наиболее распространенной обувью в то время у местных жителей были чирки и ичиги. Их шили на прямой колодке из коровьей сыромятной кожи. Накануне Первой мировой войны в Усолье насчитывалось почти сто чирочных мастерских. Чирки, сшитые сапожниками Косолаповым, Четве-

• Почтовая карточка

риковым, Пахоруковым, Дасюкевичем, славились далеко за пределами села. Не случайно Усолье в шутку называли «столицей» чирошников.

Условия труда на большинстве этих мелких предприятий, несмотря на наемный труд, были изнурительными. Так, например, битье шерсти в шерстобитно-валяльных мастерских наполняло помещение густой пылью, а чаны с горячей водой делали воздух горячим и очень влажным. Поневоле работать приходилось, сняв верхнюю одежду. Сущим адом был скорняжный (овчинный) промысел. И мастерская, и рабочие были покрыты серовато-белым налетом – пыль стояла столбом. Человеку, непривычному к атмосфере овчинных мастерских, трудно было пробыть в таком помещении одну-две минуты.

В Усолье, как и в других селах Иркутской губернии, имелись свои бондари, дегтяри, смолокуры, колесники, кирпичники, гончары...

В нашем городе протекает ручей, который носит название Скипидарка. Свое название ручей получил от частных производств по выработке скипидара, смолы и дегтя. Кое-где и сейчас можно увидеть следы этого производства.

Торговля

По соседству со Спасской церковью, там, где сейчас находится сквер напротив кинотеатра «Родина», располагалась базарная площадь с многочисленными лавками и торговыми рядами. Здесь была сосредоточена вся торговля села. Торговля шла каждый день с раннего утра до позднего вечера, а по воскресеньям из окраинных сел и деревень был большой завоз различных сельскохозяйственных продуктов. Базар просуществовал здесь до 1934 года, а затем на его месте был разбит городской парк. Вокруг базарной площади и Спасской церкви располагались купеческие дома и магазины Н. Пухова (воскресная школа), Г. Варваричева (музей природы), Н. Шабалина (строительный магазин), Решетниковых, Бочаровых, Агаповых, Погодаевых.

Как следовало из материалов губернских газет начала века, особое оживление придавали Усолью летние посетители из Иркутска. Многие приезжали сюда с лечебными целями на курорт, большинство же просто для того, чтобы весело провести летнее время. Случалось, что Усолье буквально битком было набито иркутскими посетителями и

• Пристань

дачниками. Квартыры были страшно дороги, за небольшую комнату платили 15-20 рублей, цены на продукты тоже резко увеличивались. Усольчане весело потирали руки и любовно поглядывали на иркутян, которые всеми силами старались проводить время как можно веселее. «Красиво горели фейерверки, задорно гремела музыка, звонко свистал пароход «Сокол» и подвозил все новых и новых счастливых».

Усольские магазины и лавки, пустовавшие в течение зимы, пополнялись к лету лежалым иркутским товаром и гостеприимно открывали свои двери. Близость такого обширного центра, как Иркутск, благоприятствовала сбыту сельскохозяйственных продуктов. И тогда было замечено, что усольское население

с каждым годом все шире развивает своё земледельческое и огородническое хозяйство.

Часть жителей села занималась извозом. А наиболее зажиточные держали постоянные дворы.

В начале XX века Усолье стало крупным торгово-промышленным центром волости (население в 1917-м году – 5800 человек), но в административном отношении продолжал подчиняться Тельме, где находилось волостное управление. В 1925-м году Усолье получило статус города районного подчинения. Первый районный Совет рабочих и крестьянских депутатов начал свою работу 1 марта 1926 года.

■ С. ШАМАНСКИЙ,
краевед

Воспоминания МУЗЫ

(к 60-летию со дня рождения
ангарского художника Г.А. Драгаева)

С Геннадием ДРАГАЕВЫМ я познакомилась 1 июня 1979 года в Ангарске. В тот вечер мы с папой пошли в кинотеатр «Летний» и там познакомились с Геней. На следующий день у нас было свидание на площади им. В.И. Ленина.

В течение года длился наш романтический период. Мы часто садились в электричку и ехали в Иркутск. По дороге Гена пересказывал какой-нибудь фильм или полюбившуюся книгу, помню, как увлеченно он рассказывал о книге Э. Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», ещё ему очень нравился М. Булгаков. Дома у Гены было много пластинок, и мы слушали В. Высоцкого, Б. Окуджаву,

Ж. Бичевскую и других исполнителей. Через год мы поженились, это было 25 июля 1980 года.

Гена работал преподавателем в детской художественной школе №1. У него было много друзей, и среди них - талантливый режиссер Игорь Маслов, который работал во Дворце пионеров. Вскоре Игоря Маслова пригласили работать в г. Усолье Сибирское во Дворец химиков главным режиссером. За ним в этот город уехали и мы... Геннадия также пригласили работать во Дворец химиков главным художником. Вот как вспоминает то время Ольга Гордина, которая работала в этом же ДК и руководила клубом творческой молодежи:

- До сих пор удивляюсь тому, как в одном городе собралось так много по-настоящему талантливых людей: художников, поэтов, театралов. Мы всерьез интересовались искусством, поддерживали друг друга организацией творческих вечеров, выставок, дискуссий. Каждый щедро делился тем, что знал. Мы часто собирались у Гены Драгаева дома и смотрели репродукции работ сюрреалистов, импрессионистов, постмодернистов. Это Гена открыл многим из нас Моне, Сальвадора Дали, Ван Гога... Мы наблюдали процесс творчества в его мастерской и на его выставках, к которым он готовился серьезно и трепетно...

У Гены было много друзей: художники Михаил Кузнецов, Виктор Фисенко, Геннадий Кузьмин; поэты Андрей Семенов, Александр Гордин; актер и режиссер Александр Чернышов. Но самым близким его другом был художник Юрий Митькин. Они

сдружились еще в Усолье, а затем Гена в конце 90-х устроился работать в ангарский художественный фонд, и они с Юрием продолжали дружить. Мы семьями ездили в гости друг к другу, встречали Новый год, ходили зимой на лыжах. А вообще, у нас дома всегда было много гостей, Геннадий был очень гостеприимным.

Каждое лето мы с мужем ездили на Байкал: доезжали до Листвянки, затем шли по тропе вдоль Байкала, и Гена часами писал байкальские этюды.

Когда у нас родилась дочь, Гена назвал ее Маргаритой. Его аргумент в пользу этого имени был железным: «Я - Мастер, а она будет Маргарита». Геннадий безумно любил Марго и когда он приходил с работы, он тотчас брал её на руки, и они были счастливы!

С Геней было и интересно, и сложно. Он много времени проводил в мастерской, иногда оставался там на несколько дней. Думаю, поэтому он успел в своей короткой жизни так ярко реализовать свой талант. Геннадий ушел, когда ему был 41 год. У него было много творческих планов. Как жаль, что судьба ему отмерила так мало времени!

Я знаю, что он меня сильно любил. И сейчас, когда смотрю на свои многочисленные и очень разные портреты, я как будто в этом круговороте красок и линий читаю послание его огромной нежности и благодарности судьбе, соединившей нас...

■ И. ДРАГАЕВА,

фото В. ГРИГОРЬЕВА

и из архива семьи Драгаевых

• На выставке работ художника Г. Драгаева в Ангарске, 24.03.2016

• Иван Черский

Имя Черского на карте

Отдыхающие и гости Байкала сталкиваются с именем Черского уже в Листвянке, самом близком и доступным от нас месте на озере. Над самым истоком красавицы Ангары возвышается вершина, обжитая такая, уютная горка – всего 440 м над уровнем Байкала и, соответственно – около 900 м над уровнем моря, которая называется «Камень Черского».

На гору ведет серпантин, который ещё в 60-е годы был проложен, как терренкур курорта «Байкал», на этой дорожке были отметки – сколько метров пройдено и рекомендации – каким отдыхающим с сердечнососудистыми проблемами и до какой отметки рекомендуется подниматься. Мы же всегда чуть ли не бегом устремлялись вверх, а наши дети еще и срезали большие петли серпантина, чтобы скорее добраться до вершины. С неё открывается потрясающей красоты вид на исток Ангары и Шаманский камень, синие горы Хамар-Дабана.

Сейчас на вершине оборудованы красивая смотровая площадка и симпатичная беседка, а добраться туда можно не только по серпантинной дорожке, но и по канатной. И, как во многих красивых местах, расположенных в доступности от пешеходных дорожек, ветки деревьев обвязаны разноцветными ленточками – это место, почитаемое местным населением, а сами ленточки – это послание к местным духам, чтобы они исполнили ваше желание. Я хорошо помню те сравнительно недалекие времена, когда никаких ленточек на вершине горы не было. Я поднималась на эту вершину довольно часто: одна, с дочкой, с друзьями и гостями Байкала осенью, летом, весной и зимой, и Байкал всегда был разный – потрясающе красивым, ярким и строгим, – и в этом славном месте всегда было о чем рассказать: и о непокорной дочери Байкала – красавице Ангаре, и о строительстве Кругобайкальской железной дороги, и о неутомимом исследователе Байкала Иване Дементьевиче Черском.

Ленточки появились на деревьях примерно в середине 80-х годов, поэтому, если это и святое место, то уж точно не древнее.

Насколько это работает, судите сами. В начале 90-х годов к нам в Ангарск стали приезжать иностранные специалисты. Однажды меня попросили провести экскурсию для четырех англичан – специалистов по автоматизации, приехавших к нам на комбинат внедрять систему управления. Самому старшему из них, Эндрю, было где-то 35 ... И он приехал не один, а со своей русской подругой Оксаной. История их отношений была, конечно, и романтическая, и драматическая, и банальная: где-то они познакомились, влюбились, но, разумеется, у Эндрю в Англии была семья. Эндрю – родом из старинной аристократической семьи, которые, как правило, консервативны и очень жестко не приемлют разводы, повторную женитьбу, тем более, на иностранке, да еще и с ребенком! Тем не менее, Эндрю, как только приезжал в Россию, немедленно звонил в Липецк Оксане, и она сразу всё бросала: работу, дом и дочь. И ехала, как декабристка, за своим Эндрю во все концы тогда еще Советского Союза.

И вот на Камне Черского я рассказываю им, что завязывать ленточки на деревьях – древний бурятский обычай, что так они просят духов помочь им исполнить сокровенное желание. Оксана тут же начинает искать ленточку, а я уточнила, что желание исполнится с большей вероятностью, если тряпочка будет нателная. Оксана тут же, не задумываясь, разрывает рукав своей блузки и берет одну тряпочку себе, а другую дает Эндрю и каким-то непостижимым образом объясняет ему суть дела (надо сказать, что они общались на каком-то астральном уровне, потому что Эндрю не говорил по-русски, а Оксана еле-еле лепетала по-английски). Нетрудно догадаться, какое желание загадали Оксана и вдохнов-

ленный байкальскими (и Оксаниными) красотами Эндрю. И ... о, чудо! Проходит несколько лет, и я узнаю, что столь нереальная мечта сбылась: Эндрю развёлся с женой, несмотря на все препоны, женился на Оксане и увез ее вместе с дочкой в туманный Лондон! Вот такая это гора – Камень Черского!

Прошу Вас не путать ее с пиком Черского – это вершина совершенно другого уровня, находится она на самом юге Байкала и имеет высоту **2090 метров**. Это третья по величине вершина Хамар-Дабана.

Пик Черского – очень популярное место, своеобразная Мекка туристов. Но сюда ходит уже несколько другой народ – те, для кого горы – дом родной, с рюкзаками, палатками и спальниками (обычно расстояние в горах измеряют не километрами, а часами перехода, но поскольку силы у всех разные, то я приведу измерения, любезно предоставленные дотошными знатоками Хамар-Дабана и выставленные в Интернете). Это 27,1 км. Маршрут начинается в поселке Слюдянка, раньше это был путь с небольшим подъемом по самой длинной улице Слюдянки, а сейчас, чтобы сэкономить время и силы, на окраину городка можно приехать на маршрутке, далее подъём идет вдоль шумной веселой речки с таким же названием – Слюдянка. Когда **то** оформляя свой домашний альбом, мы писали:

*«Четырнадцать бродов лежат на пути,
Четырнадцать бродов нам нужно пройти!
Того, кто в холодную воду войдет,
Ни кашель, ни насморк уже не возьмет».*

Правда, это меня всегда удивляло – мы переходили речку, не снимая кроссовок, а потом смачно хлюпали дальше по дороге, и ноги согревались на ходу, и никогда никто не заболел. Сейчас такого экстрима стало меньше – через Слюдянку переброшены очень симпатичные мостики, которые поддерживаются в хорошем состоянии, и через них приятно проходить, продолжая свой путь по тропе.

Потом речка Слюдянка уходит в сторону, а туристы продолжают подниматься все выше и выше (а тропа все круче и круче) и, наконец, перед взором туристов открывается широкая поляна, заросшая жимолостью и черникой, на которой все, как правило, отдыхают. Остаётся самый последний рывок – довольно крутой, но несложный подъем на самую главную поляну – ту, на которой располагается метеостанция. Я всегда преодолевала этот последний подъем уже ползком, «на четырех косях», а более молодые и бывалые туристы взлетают на него как птички.

Метеостанция «Хамар-Дабан» расположена на высоте 1600 метров и имеет координаты: 51°31'50" северной широты и 103°35'14" восточной долготы. Простой деревянный домик стоит на этой чудной поляне уже почти 100 лет, и эта научная база была организована еще учениками и сподвижниками Черского. Сейчас рядом построена турбаза «Хамар-Дабан», и это позволяет совершать такие походы и летом, и осенью, и зимой вместе с детьми и собаками (для собак тоже предусмотрено размещение). Раньше, когда турбазы еще не было, туристы ставили свои палатки на поляне вблизи метеостанции.

*«Но ветер стихает, и вечером поздним
Встают над палаткой высокие, ясные звезды.
Их больше, чем может представить воображение,
Они в тишине начинают над миром круженье ...
И гордые сосны, расправив могучи плечи,
Ведут со Вселенною свой разговор бесконечный».*

От поляны вверх на гору поднимается хорошая серпантинная тропа (молодежь, конечно, идет напролом, срезая все петли серпантин), когда-то здесь проходила старая Хамар-Дабанская дорога, по которой путешественники, купцы и переселенцы могли попасть в Монголию. Дорога приводит на высокое плато и уходит вправо в долину, а слева открывается вид на пик Черского, суровый, но манящий и кажущийся уже близким.

Моё самое яркое воспоминание о восхождении на пик Черского – это как мы сидели на вершине внутри грозовой тучи (не на самом пике, если честно, а чуть-чуть отползли по гребню хребта вниз). Молнии сверкали вокруг нас, а грохот стоял такой, что не слышно было, что говорит находящийся рядом товарищ.

*«Вокруг хребта Хамар-Дабан все время ходят тучи,
И гром приветствует того, кто на сегодня лучший!
Кто поднялся на этот пик, преодолел, дополз, достиг ...»*

Натерпевшись страху внутри грозовой тучки, мы начали спуск по крутой каменной тропе при видимости меньше метра, но, слава Богу, все остались живы и невредимы.

И, наконец, третий объект, связанный с именем Черского – **гора Черского**, высшая точка Байкальского хребта (высота 2588 м). Покорить Гору Черского считается престижным как для горных туристов, так и для опытных альпинистов..

Гора Черского находится в центральной части хребта в истоках рек Куркула, Ирель и Молокон. В 1961-м году геодезисты Восточно-Сибирского аэрогеодезического предприятия установили на вершине триангуляционный знак. Затем в 1975-м году на вершину поднялись иркутские альпинисты Г. Агафонов, В. Брянский и В. Избеков. С тех пор восхождения на вершину совершаются спортивными группами более или менее регулярно, по известному маршруту: с ледника под восточными склонами вершины через перемычку, соединяющую гору Черского с пиком Птица. В 90-х годах Федерация альпинизма России присвоила «классическому» маршруту категорию трудности 2А. В 70-е годы гляциологическая экспедиция А. Кошелева открыла четыре крупных ледника в верховьях реки Куркулы, один из которых был назван именем Черского. **Каровый ледник Черского** – ещё одна **маленькая** точка на карте Прибайкалья, связанная с именем замечательного ученого.

Сама я, конечно, на гору Черского не поднималась, но есть вероятность, что мои дети и внуки побывают в этих удивительных **местах**, и наш семейный альбом пополнится личными фотографиями горы Черского.

Еще один интересный объект, носящий имя Черского – **сквозные долины Черского** (или «висячие долины Черского») – это несколько речных долин в горах северной части Хамар-Дабана,

• Мавра Черская

• Александр Черский

которые смыкаются на водоразделе, т. е. две речки берут начало практически из одного источника и текут вниз по параллельным распадкам (или долинам). И, если подняться вверх по одной из долин до самого истока реки, то спуститься можно по другой долине. Черский обнаружил эти долины в 70-х годах XIX века, когда очень подробно и тщательно исследовал восточное побережье Байкала, продвигаясь вдоль его берегов на маленькой лодочке.

Ну, и самый протяженный географический объект на карте (уже не Прибайкалья, а материка Евразия) – это **хребет Черского**, вернее, даже два хребта, один расположен в Забайкалье, другой на Северо-Востоке Сибири, последний вообще представляет собой обширную горную систему, протянувшуюся на 1500 км.

Надо сказать, что имя великого исследователя было вписано в топографию Байкала и Сибири уже после смерти Черского его учениками, сподвижниками, путешественниками, т. е. людьми, которые могли оценить тот огромный вклад в науку, который внес этот необыкновенный человек.

Что же за человек был Иван Дементьевич Черский, что привело его в наши края, как сложилась его жизнь и взаимоотношения с другими людьми?

Жизнь и судьба этого человека до такой степени удивительны, что за какую ниточку ни потяни, везде есть что-то необыкновенное. Кто он по национальности? Как ни странно, ученые, этнографы до сих пор не имеют единого мнения по этому вопросу и отчаянно спорят. Во многих учебниках и даже в энциклопедии можно прочитать, что Черский – поляк по национальности, однако это не так. Сотрудники музея Черского в Минске совершенно уверены в том, что Черский – белорус. Они используют серьезные доказательства – например, тот факт, что он родился на Витебщине в семье белорусских дворян, ни одного труда своего на польском языке не написал, да и в самой Польше ни разу не был! Более того, оказавшись в сибирской ссылке, он пишет из Иркутска на родину сестре Михаиле, что как это не печально, но он стал забывать «родной белорусский язык». Белорусское происхождение Черского подтверждается его родословной, прослеженной до XVIII века. По свидетельству близких, сам он называл себя литвином. В некоторых источниках Ян Черский фигурирует как литовец или литвин, и даже приводится литовская транскрипция его имени (Jonas Čerskis). Эта версия происхождения Черского появилась как следствие отождествления исторических литвинов с современными литовцами. Однако понятие «литвин» гораздо шире понятия «литовец». К литвинам традиционно относили всех жителей Великого княжества Литовского. Среди них этнические литовцы составляли явное меньшинство.

Мальчик получил прекрасное образование и к моменту окончания гимназии свободно владел четырьмя иностранными языками. В 1860-м году, по окончании третьего класса Виленской гимназии,

Черский был переведен в Виленский Дворянский Институт. Последний год в этом учебном заведении совпал со временем польского мятежа (1863), и восемнадцатилетний юноша, схваченный среди повстанцев, был сослан в Сибирь и зачислен рядовым в 1-й Западно-Сибирский линейный батальон, стоявший в Омске. Годы, проведенные в этом батальоне, наверное, были самыми тяжелыми в его жизни. Но судьба уже как будто начала готовить его к подвижничеству жизни учёного и подарила ему замечательные встречи. Еще в Омске он познакомился с выдающимися учеными В. И. Квятковским и Г. Потаниным, которые снабжали его книгами и определяли дальнейшее направление его поисков и устремлений.

В конце 1871 года Черский получил разрешение переселиться в Иркутск и почти со дня приезда стал работать при Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского Географического общества. Здесь в лице двух товарищей по несчастью, Дыбовского и Чебановского, выдающихся естествоиспытателей, он нашел себе новую поддержку. Знакомство с ними, по его собственным словам, имело самое благоприятное влияние на его научные занятия.

В Иркутске начинается научная карьера Черского, перед ним как терра инкогнито лежит неизведанный, потрясающе великолепный, овеянный легендами, никем еще не изученный Байкал, и Черский с головой погружается в эту работу. Он много путешествует, составляет карты (первая подробная географическая карта Байкала была составлена Черским), собирает коллекции минералов. Его статьи по геологии и остеологии современных и вымерших позвоночных животных Сибири публикуются в изданиях Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического общества.

В это время он снимал небольшую комнату на улице Подгорной и, не имея особых средств, расплачивался тем, что учил дочек хозяйки грамоте и прочим наукам. Девочки оказались способными, особенно старшая, Мавруша. Она проявляла огромный интерес к знаниям, на лету схватывала все премудрости, задавала массу вопросов и смотрела на своего молодого учителя восторженными глазами. Мавруша необыкновенно быстро училась чтению, письму, математике и даже французскому языку, и секрет был не только в хороших способностях девочки, но и в том, что она была влюблена в своего учителя! По-всякому складываются судьбы литературных и реальных героев, но этот случай уникален тем, что Мавра пронесла свою любовь, своё обожание через всю жизнь. В сентябре 1877 года состоялась свадьба, и Мавра Павловна стала женой ссыльного поселенца Черского и самой счастливой женщиной в Иркутске. В экспедициях по Байкалу 1878 года Мавра принимала участие как полноценный научный сотрудник и помощник Черского, грамотный и ответственный. На утлой лодочке они проделали непростой путь вдоль берегов Байкала, занимаясь картографией, сборами геологических образцов, делая подробные описания и зарисовки. Весну 1879 года Черский также провел в экспедиции, исследуя обширную территорию между Ангарой и западными склонами Приморского хребта, и в конце июня возвращался в Иркутск. Когда дорога поднялась на невысокие степные холмы (примерно в окрестностях Усть-Орды), в сердце Ивана Дементьевича разгорелась тревога, – впереди над Иркутском колыхалось коричневое марево. Вскоре навстречу начали попадаться подводы с перепуганными людьми и тем скарбом, который им удалось спасти. От них Черский узнал ужасную весть – Иркутск почти полностью сгорел. Невиданной силы пожар бушевал в городе почти три дня. Понукая лошадей, Черский устремился к Иркутску, сердце его разрывалось от тревоги и тоски. Среди обгорелых останков города он нашел свой дом, т. е. не дом, а то, что от него осталось. Он бросился к зданию Географического музея, где в последнее время работал, но и там увидел такую же страшную картину. Как призрак бродил он среди дымящихся камней. И вдруг перед ним появился Чебановский, он сразу же бросился к другу, и, первое, что он сказал: «Она жива!». Родственники увезли Мавру в село Александровское. В огне этого грандиозного исторического пожара сгорели труды многих лет: коллекции, карты, отчёты, материалы экспедиций – это, конечно, были тяжелые потери, но в тот момент, Иван Дементьевич был счастлив тем, что Мавра

жива и в безопасности. По дороге в Александровский завод, прямо на лесной опушке Мавра родила сына, которого назвали Сашей в честь лучшего друга – Александра Чекановского.

А дальше опять годы подвижнической работы, восстановлений утраченных материалов, новые экспедиции и исследования. Кроме того, в первые годы после пожара, чтобы прокормить семью, Черскому приходилось работать приказчиком в мелочной лавке, поскольку музей Географического общества не мог выплачивать своим сотрудникам даже те скудные средства, которые они получали до сих пор.

В 1881-м году Черский отправляется в большую экспедицию по исследованию реки Селенги. Здесь Иван Дементьевич сделал важнейший вывод о том, что горы вокруг Байкала — древнейшая часть Сибири, которую на протяжении 200 - 250 миллионов лет не заливало море. Это — ядро всей Азии, очень долго возвышавшееся скалистым островом над бескрайним океаном. Член-корреспондент АН СССР С.В. Обручев писал, что экспедиция Черского «создала эпоху в исследовании Прибайкалья».

Труды Ивана Дементьевича были оценены, и Черский удостоился малой золотой медали Императорского Русского Географического общества. В 1885-м году, когда уже 20 лет были проведены в ссылке, пришло сообщение об амнистии. Теперь Черский мог ехать в Петербург. Академия наук поручила ему выполнить по пути из Иркутска геологическое обследование Сибирского почтового тракта от Байкала до Урала. Используя походный барометр-анероид, он измерял перепады атмосферного давления и вычертил профиль рельефа на Сибирском тракте. Им были проведены геологические экскурсии к Падунскому порогу на Ангаре, в верховья Енисея, в Минусинскую котловину.

Начался новый период в жизни Черского. В Петербурге он работал в Геологическом музее Академии наук, время от времени выступал с докладами в различных научных обществах, публиковал статьи в географических и геологических журналах. Впервые его семья могла жить в относительном достатке и в хорошей квартире. После долгих лет, прожитых практически в нищете, Иван Дементьевич и Мавра радовались и удивлялись, — они и не представляли, что можно жить так!

В 1891-м году Академия наук снаряжает новую экспедицию в малоизвестную область северной Сибири. Возглавить экспедицию было предложено Черскому. Всех, знавших состояние здоровья И.Д. Черского, это предложение обеспокоило. Приходилось опасаться, что он не выдержит чрезвычайно трудных условий экспедиции в далёкую Якутскую область с её суровым климатом. Но сам И.Д. Черский говорил об этом путешествии с таким увлечением и с таким юношеским пылом стремился к исследовательской работе на окраине Сибири, к новым научным **задачам**, что никто не решился серьёзно предупреждать его об опасности этого решения. Весной 1891 года И.Д. Черский вместе с женой и сыном выехал из Петербурга. В конце мая они были в Иркутске...

Экспедиция проходила в очень тяжелых условиях. Маршрут ее пролегал среди суровых безлесных гор в местах, где действительно не ступала нога человека. Первые донесения И.Д. Черского из Якутска и Верхнеколымска, полученные Академией наук, были проникнуты бодрым духом и содержали очень интересные данные о высоких хребтах, которые он открыл между верховьями рек Индигирки и Колымы, и о ясных, вопреки его ожиданиям, следах прежнего оледенения в виде конечных морен на дне долин. В них были также интересные сведения о жизни и обычаях местного населения, о ценах на привозные продукты — сахар, муку, свечи, мыло — и в связи с этим, о скудном продовольствии экспедиции. За время зимовки в Верхнеколымске в очень тяжёлой обстановке И.Д. Черский написал подробный отчёт о результатах путешествия от Якутска с характеристикой рельефа и строения четырёх хребтов, **пере-сечённых** им на этом пути, с приложением маршрутной съёмки, **попечечных** разрезов и исправленной карты местности.

Этот длинный и трудный маршрут из Якутска до Верхнеколымска подорвал слабые силы И.Д. Черского, а зимовка при суровом

климате с длительными морозами в **40—55°** в обстановке якутской юрты **окончательно** расстроила его здоровье и вызвала тяжёлую лёгочную **болезнь**.

Предвидя, что ему не удастся закончить экспедицию, И.Д. Черский, преодолевая болезнь, привёл в порядок собранные коллекции для отправки их в Академию и составил подробные отчёты, упомянутые выше. Он предчувствовал, что дни его сочтены, и сделал уже в Верхнеколымске распоряжения относительно продолжения экспедиции после его смерти и судьбы его жены и сына, 12-летнего мальчика, которые его сопровождали. 7 июля 1892 года, вечером, близ устья реки Прорва, И.Д. Черский скончался. Он был похоронен на берегу р. Колымы, в урочище Омолон, в 30 километрах ниже Прорвы, где три дня пришлось копать **моги-лу** в вечномёрзлой почве.

Похоронив мужа в Среднеколымске, Мавра Павловна, преодолевая душевные муки и горечь утраты, возглавила экспедицию и, выполняя последнюю волю своего мужа, продолжила маршрут с целью добраться до Нижнеколымска. Она также занималась пополнением коллекций, сбором геологических образцов, составлением подробной карты местности и вела дневник экспедиции, в который записывались события каждого дня. Во время этого последнего героического перехода Мавра Павловна **тоже** простыла и тяжело заболела. Трудно без слёз читать о том, как эта мужественная женщина даёт наказ своему 12-летнему сыну: «Саша, если я умру, ты должен возглавить экспедицию, довести ее до Нижнеколымска, сохранить **все** коллекцию, каждый день заполнять дневник и представить отчет Географическому обществу. Ты должен выполнить волю отца!». К счастью, Мавра поправилась и сама добралась до Нижнеколымска. Ей предстоял не менее трудный путь назад, вверх по течению реки Колымы. В Среднеколымске он принял решение дожидаться зимы, чтобы дальний путь до Якутска преодолеть уже по «зимнику». Когда читаешь ее отчёт, представленный Географическому обществу, не перестаешь удивляться тому, какими героями, сами того не ведая, были эти люди: ночевки при температуре **- 30° С**, опасные спуски и подъемы, скудное питание, да ещё с 12-летним ребенком!

Тем не менее, Мавра Черская в 1893-м году прибыла в Петербург и представила все научные труды и материалы экспедиции. Её личные научные достижения были высоко оценены русскими учеными — географами. В частности, академик Обручев писал о ней с уважением и восхищением. Именно этому человеку принадлежала идея назвать обширный хребет на севере Восточной Сибири именем Черского, а одной из вершин этого хребта присвоить имя Мавры Черской.

Осталось добавить, что Александр Черский продолжил дело своего отца и стал учёным-географом, в 1904-м году он закончил физико-математический факультет Петербургского Университета. Унаследовав от отца редкую наблюдательность и любовь к природе, обладая прекрасной зрительной памятью, А. И. Черский выбрал для себя карьеру путешественника-натуралиста, решив посвятить всю свою жизнь изучению отдаленных окраин. К сожалению, он прожил недолгую жизнь и погиб на Командорских островах в 1921-м году. Именем Александра Черского названы многие виды животных и растений Дальнего Востока.

■ Т. ГОЛУБЦОВА

Источники:

1. Голенкова А. И. «Пик Яна Черского», Иркутск, Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1980.
2. Килессо Г. «По следам Иркутской легенды», Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1970.
3. Бекетов К. «Имени Черского», Санкт-Петербург, 2003.
4. Шишанов В. А. «Мавра Черская: время воспоминаний», Витебск, 2002.
5. Гуков Г. В. «Чье имя ты носишь, растение? Сто пятьдесят кратких биографий». Владивосток: Дальнаука, 2001.

«Знакомство с молодёжью приносит новый интерес...»

Е. И. РЕРИХ

В апреле 2016 года в стенах Ангарского музейно-библиотечного Рериховского Центра «Музейон» в третий раз собрались участники и организаторы Международной научно-практической конференции «Рериховские чтения» для учащихся 1-11 классов.

Девизом конференции стали слова великого русского гуманиста, художника, академика Николая Рериха «Там, где культура, там и мир». Николай Константинович внес огромный вклад в развитие мировой культуры. Одно из главных его достижений – создание «Договора об охране художественных и научных учреждений, исторических памятников во время военных действий и в мирное время», принципы которого стали основой международного гуманитарного права в области сохранения культурных ценностей. Подписание Пакта Рериха состоялось 15 апреля 1935 года в Вашингтоне. Именно к этому дню, отмечаемому сегодня как «Всемирный день Культуры», организаторы конференции приурочили её работу.

Задачей научно-практической конференции является приобщение детей к культурным ценностям, развитие таких универсальных способностей и компетенций учащихся, как способность к самообразованию, развитие

навыков ориентации в информационных потоках и умений ставить и решать проблемы. Число желающих принять участие в «Рериховских чтениях» год от года неуклонно растёт. И это не удивляет. Много добрых чувств и слов увозят и уносят в свои города и учебные заведения участники конференции.

В этом году праздник культуры длился пять дней. Сотрудниками МБРЦ «Музейон», в залах которого проходила конференция, было продумано многое. Музыкальное оформление каждого дня конференции живой классической музыкой... Художественное оформление залов подлинными полотнами художников-космистов (гг. Москва, Таллинн, Юрга, Ярославль) из Фонда картин

художников-космистов «Созвучие»... И разговоры в такой обстановке шли только о культуре.

В конференции приняли участие 43 ученика (гг. Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирское и п. Мегет). Участники «Рериховских чтений» представляли свои исследования в следующих направлениях:

- экология и культура;
- диалог культур Запада и Востока;
- этика как неотъемлемая часть культуры;
- культура через искусство;
- история и культура.

Было много интересных работ о Мегете, иркутских храмах, ангарской мозаике и колоколах. Были работы о китайском драконе как символе Китая и о русской избе. Ребят интересовало: почему дети лгут, откуда дырки в сыре, а динозавры на Байкале - это вымысел или реальность? Гражданский подвиг пяти казненных декабристов, история жизни и любви первой русской женщины-путешественницы, писатели-пророки, образ России на денежных купюрах, сравнительная характеристика лука и арбалета, история и особенности старейшей здравницы Сибири, как рождается сказка или как создают мультфильмы... Всех работ не перечислить!

Радует то, что ребятам интересно познавать, изучать, исследовать. Они ищут ответы на вопросы не только в книгах и Интернете, но и сами создают мультфильмы, делают часы, изучают историю своей малой Родины.

В жюри груз ответственности разделили между собой: **Воронова О. А. – кандидат педагогических наук, руководитель НМЦГП г. Ангарска; Шмакова Л. А. – заведующая Музея трудовой славы АНХК; Ивановский Д. С. – председатель общественного сове-**

та отцов и детей г. Свирска; Елькина Н. П. – ветеран АНХК, краевед; Устюгова О. А. – председатель ГОО «Ангарское Рериховское общество». Им приходилось очень трудно. Работы были сильные, и хотелось отметить каждого участника. Было принято решение: памятными подарками и дипломами участников отметить всех. А победителями стали: **Александра Тэсс (Ангарск), Екатерина Ляпинина (Усолье-Сибирское), Анастасия Воронова (Ангарск), Илья Ломаченко (Мегет), Снежана Серёдкина (Усолье-Сибирское), Рустам Кириянов (Усолье-Сибирское), Андрей Макрицкий (Иркутск), Тамара Трошкина (Иркутск).**

Организаторы научно-практической конференции «Рериховские чтения» уверены, что вовлечение детей в культурную и научную деятельность, развитие их эмоционально-эстетической сферы, способствующей раскрытию творческих способностей, в будущем определит степень развития их ценностных категорий, которые помогут ребятам реализоваться в жизни, стать Личностями.

■ О.А. УСТЮГОВА,
О.А. ВОРОНОВА

Организаторы конференции:

Учебно-методический центр Гуманной педагогики г. Ангарска на базе МБОУ «СОШ № 24», городская общественная организация «Ангарское Рериховское общество», педагогический институт Иркутского государственного университета.

(сайт www.humpedagog.ru)

О поэтическом фестивале «Король поэтов-2016»

• Игорь Дронов,
организатор фестиваля

В июне 2016 года в Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеке им. И. И. Молчанова-Сибирского при поддержке Иркутской областной общественной организации писателей и его руководителя И. А. ДРОНОВА состоялся финал поэтического конкурса «Король поэтов - 2016».

В состязании приняли участие 18 финалистов первого отборочного тура, они приехали в Иркутск из разных городов России. По итогам голосования (а голосовали не только члены жюри, но и слушатели) из 18 участников в финал попали 5 кандидатов: Дина Фиалковская, Валерия Домрачева, Алексей Гедзевич, Константин Анашкин, Юрий Якобсон. После еще одного голосования претендентов осталось двое. В результате яркой поэтической дуэли между Константином Анашкиным и Юрием Якобсоном заслуженную корону и титул получил Юрий Якобсон. Предлагаю Вашему вниманию работы победителей и фотоотчет с мероприятия.

Константин АНАШКИН

Ну, здравствуй, Ангара, голубоглазая!
Я шел к тебе семнадцать долгих лет.
Волной своей певучею рассказывай
О том, что было и чего уж нет.
Отца Байкала, (деспота могучего),
Презрела речи, к западу стремясь.
Там поджидал волну твою колючую
Князь Енисей - тайги сибирской князь.
Беззвездной ночью (мир закрыло тучами),
Ты поплыла в неведомую даль,
И в первый раз, воспользовавшись случаем,
Оставила отцу свою печаль.

Не называй меня поэтом,
Не принуждай к словам напрасным.
Я не рожден июньский летом,
Не под кустом рябины красной.
В степях просторных, за Байкалом,
Рожден в январские метели,
Где ветры воют как шакалы.
Они мне детства песни пели,
Да печка старая в избушке,
Что до апреля согревает,
Да сказки, большей частью Пушкин, -
Их мама на ночь мне читала.

• Константин Анашкин и Юрий Якобсон

Юрий ЯКОБСОН

Издали

Наверное, можно и нужно
Уметь целоваться глазами...
Полдня собирали ракушки,
Чтоб строить воздушные замки...
Погода немного в миноре,
Но все же вхожу я несмело
В то наше семейное море,
Что здесь называется Белым...
И правда – как будто свиданье,
И время назад возвращает,
Но это уже не Аланья,
И очень тебя не хватает...
...Стихают уставшие волны,
И весело прыгает мальчик,
И нимфа в зеленой бейсболке
Уходит все дальше и дальше...

Перечитывая Булгакова

Наверно, вовсе не со зла
Со мною ты вчера ругалась –
Ты просто мазью натиралась,
И ждала Лысая гора...
Представить я тебя могу
Единственной, неповторимой –
Ты обнаженной Маргаритой
Летишь сквозь пасмурную мглу,
И дням разлуки нет числа –
Но я тебя увижу скоро:
Когда-нибудь устанет боров,
Или сломается метла.
Но ты меня не узнавай,
Опять шарахайся до смерти,
И пусть меня хватают черти,
Главой кидая под трамвай!
Не надо больше ничего...
Мечтать об этом просто глупо –
Пусть на балу я буду трупом,
Но у колена твоего!

■ Подготовила Г. ВИТЕНКО,
организатор клуба
«Свободный литературный
микрофон»
Фото из архива клуба

В тот вечер время в саду Ириды остановилось...

Иногда самое обычное путешествие может преподнести сюрпризы и оставить впечатления на всю жизнь. Причем совсем не там, где их можно было бы ожидать...

Пик Порожистый – популярный маршрут на Хамар-Дабане. И вот в июле 2012 года у нас возникла идея совершить прогулку на пик. А потому встал вопрос «А где же машину оставить, пока мы будем совершать восхождение?» И тут наши друзья предложили оставить машину у их родственников в Утулике, у семьи Осипенко.

Про чудесный сад Николая Николаевича я слышала и раньше, но сама там никогда не была. Не знаю, как остальные участники похода, но я испытывала некоторую неловкость – Николай Николаевич лично нас не знает, а мы напрягаем его своими проблемами, машину поставим, место займем. Тем не менее, берем адрес, едем, находим дом и стучим в ворота...

Николай Николаевич и Дина Семеновна встретили нас радостными улыбками, как давних и дорогих друзей, пригласили на завтрак, провели экскурсию по саду, стали переживать за наше предстоящее путешествие, так как прогноз погоды был не самый благоприятный. Они даже предложили остаться у них на день – другой, пока погода не станет более солнечной. Искушение было велико, ибо в саду было великое множество всего прекрасного и интересного, но мы все же подхватили рюкзаки и, поблагодарив хозяев, выдвинулись в поход. Шли и восхищались семьей Осипенко: какие сердечные люди, как тепло

они нас встретили, и как легко и непринужденно мы почувствовали себя у них!

Спустя три дня мы вернулись в Утулик. Подходя к дому Осипенко, я прикидывала: пока вещи загрузим, машину прогреем... через полчаса поедем, в 10 или 10.30 вечера будем в Ангарске. Но не такое это было место, откуда можно быстро уйти!

По ту сторону калитки был другой мир. Там царил особая атмосфера, которую нельзя увидеть или измерить, но невозможно не почувствовать. Николай Николаевич и Дина Семеновна были очень рады, что нас не смыло горными реками, и мы не заблудились в тумане. Конечно же, начался бурный обмен впечатлениями о Порожистом, Бабхе и не только о них. За чаем Николай Николаевич рассказывал о своих путешествиях по горам Хамар-Дабана с этюдником и красками так увлекательно, что наши дети тоже захотели идти рисовать в горы. А когда мы уже приготовились поблагодарить хозяина и распро-

щаться, он предложил остаться на ужин с жареными грибами. Отказаться было абсолютно невозможно!

Наш отъезд неумолимо отдалялся, становился призрачным и мало-важным. Вместо того, чтобы собираться в дорогу, мы рассматривали картины, удивлялись диковинным растениям и кормили карпов в пруду. Сад и его создатель завораживали, в каждом уголке жило чудо... А может, это Николай Николаевич умел превращать в чудо и дерево, и цветок, и отражение луны в пруду? Мои спутники разбрелись по саду и через некоторое время мы все потерялись в нем, как Герда из сказки «Снежная королева» в саду бабушки – волшебницы. Мы торопились, у нас была цель – скорее домой. Но вот я сижу у пруда с японскими карпами, на небе загораются звезды, шелестят листья дальневосточного клена, и кажется,

что время остановилось, и не надо никуда бежать, торопиться, а самое важное – это быть здесь и напитаться этим необыкновенным духом природы, искусства, красоты и любви (уже год как нет с нами Николая Николаевича, но то удивительное чувство не покидает меня).

Уже около полуночи мы загрузились в машину и выехали за ворота. Николай Николаевич, провожая нас, сказал: «Обязательно позвоните мне, когда доберетесь домой!» «Но мы же будем ехать три с половиной часа, будет же около четырех утра!» «Я все равно не буду спать, пока не узнаю, что вы доехали благополучно!» - услышали мы в ответ.

■ С. ДИГАС,
фото В. ГРИГОРЬЕВА

• На выставке работ художника, г. Ангарск, 2016

• Весна на Байкале, 2011

• Творческий порыв, 1982

• Ужин на Утулке, 2004

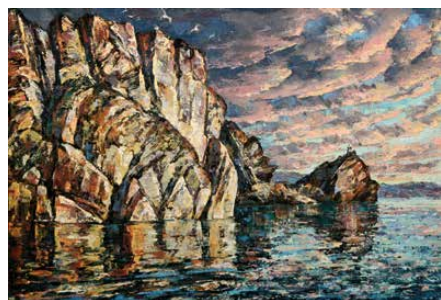
• Дары августа, 2000

• Гимн байкальской природе, 1996

• Таёжный натюрморт, 2001

• Ольхон после грозы, 1998

• Кони на Ольхоне, 2009

(продолжение, начало в №29)

К юбилею Иркутской области

*В 2017-м году Иркутская область
будет отмечать 80-летний юбилей
(образована 26 сентября 1937 года). О красивейшем
и богатом регионе Сибири опубликовано множество
литературных произведений, исследований по истории,
географии, искусству. Представляю краткий перечень книг
о художественной культуре Иркутской области.*

- **Художники Иркутска.** – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. - 416 с., ил.
- **Иркутский художественный музей.** – Иркутск: ООО «Артиздат», 2005. - 240 с., ил.
- **Альманах «Художники городу».** Составители Н.С. Сысоева, М.Г. Марциненко, Я.Ю. Лисицина. - Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2011, 235 с., ил.
- **60 лет на службе у прекрасного. МУК г. Ангарска «Художественный центр»** - Ангарск, 2011. - 60 с., ил.
- **Художники Ангарска.** Каталог работ ангарских художников. Составитель И.А. Михаленко – Ангарск, 2014. - 206 с., ил.
- **Ангарский городской музей, 1969-2014.** - ООО «Артиздат», 2014. - 40 с., ил. (глава «Выставочный зал и художественное собрание»)
- **Анатолий Алексеев. Автопортрет.** – Иркутск: издание ООО «Артиздат», 2014, - 208 с., ил.
- **Ларёва, Т.Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX - начала XXI века.** Издание: ООО «Типография Принт Лайн», 2015. - 616 с., ил.

■ А.И. СЕРЁДКИН,
краевед